

Плещаница колдуна

Автор:

Антон Грановский

Плещаница колдуна

Антон Грановский

Гиблое место #2

Яркая вспышка в небе, потом – всепоглощающий ураган, и Кишень-град был стерт с лица земли. А на Пепельном острове появился загадочный Погребальный шатер мертвого бога. Именно сюда сквозь Гиблую чащобу пробирается заброшенный в далекое прошлое журналист Глеб Орлов, более известный в Древней Руси как Глеб-Первоход (который водку изобрел). На пути его небольшого отряда встает воинство окопавшегося на острове колдуна. Старец Осьмий, давний знакомец Глеба, обрел здесь власть над жизнью и смертью человечества. До окончательной гибели привычного мира остается всего три дня...

Антон Грановский

Плещаница колдуна

Проект «Гиблое место»

Кате Неделько и ее дочурке Вике,

с пожеланием крепче стоять на ногах!

Ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми. Я же говорил – тут не место для прогулок.

«СТАЛКЕР»

Когда б не дупло в клыке,

Вздымал бы чело в венке.

М. Щербаков

Глава первая

1

Чернобородый разбойник Коломец, отряхнув яловые сапоги от грязи, пригнул голову под низкой притолокой и вошел в схрон, прорытый в холме и отгороженный от посторонних глаз зарослями бузины.

Следом за ним семенил, пытаюсь не отставать, темноволосый мальчишка лет двенадцати, грязный, в оборванной одежде с чужого плеча.

Кивнув двум разбойникам, играющим в кости, Коломец пошел прямо к атаману Дерябе. Мальчишка у порога остановился, но чернобородый разбойник схватил его за шиворот и грубо втокнул в комнату.

Деряба сидел за столом и задумчиво смотрел на серебряный кубок с хмельным медом. На вошедших он уставился мутными глазами.

– А, Коломец, – проговорил он после паузы. – Случилось чего?

Коломец толкнул вперед мальчишку и ответил:

– Пострельца поймали. Говорит, что в пяти верстах отсюда видел караван.

Мальчишка вытер рукою нос и угрюмо заявил:

– Меня не поймали. Я сам к вам пришел.

Атаман посмотрел на него с интересом.

– Что за караван – говори.

Мальчишка стрельнул глазами на Коломца, насупился и ответил:

– Четыре подводы с грузом. Все накрыто рогожей. В пятой – людишки.

– Как велик конвой?

Мальчишка поднял руку и растопырил пальцы.

– Пять охоронцев? – уточнил Деряба.

Мальчишка кивнул.

– Гм... – Атаман поскреб ногтями щеку. – Я чай, и оружия много?

– Много, – ответил пострелец. – Бердыши, мечи, копья – все при них. А еще щиты и кольчуги.

– Гм... – Брови Дерябы съехались на широкой переносице. – Всего пяток человек. Не густо. Сам-то ты чей будешь?

– Проща я, – ответил пострелец. – Милованов сын.

– Проща? Что за прозвище такое?

– Христианское. Прохор по-взрослому. Мой батька у болгарских богомолков перенял.

– Зачем?

– Понравилось.

Деряба ухмыльнулся:

– «Понравилось». Ишь ты. А сам-то батька где?

Мальчишка нахмурился.

– Моего батьку купец Жадан насмерть засек, – угрюмо проговорил он.

– Засек? Вон оно что. А к нам зачем пришел? Барыш свой урвать надеешься?

Прошка презрительно дернул щекой.

– Нужон мне ваш барыш.

– Тогда зачем?

– Жадан в том в караване едет. Из Онтеевки вертается.

Деряба хмыкнул, повернул рыжую кудлатую голову и взглянул на чернобородого разбойника.

– Так думаешь, тут можно?

– Кажись, можно, – ответил Коломец. – Третьего дня шаман Перуну цельного быка пожег. Должон помочь.

– На Стрибога с Перуном надейся, а сам не плошай, – изрек Деряба.

Коломец на это усмехнулся.

– Атаман, – сказал он, понизив голос, – уж десятый день без дела сидим. Ребятки застоялись. Боюсь, заропщут али пошаливать начнут.

Деряба несколько секунд думал, после чего твердо сказал:

– Возьмем караван. Отправь вперед двоих ватажников – пускай разведают, что да как. А пострела этого с собой возьмем. Ежели что – башку ему первому отрежем.

Деряба метнул на мальчишку холодный взгляд, но тот не поежился и не отвел глаз. Твердый был мальчишка. Упорный. Не повезло купцу Жадану такого пострела обидеть.

Атаман был сильно пьян, но Коломец знал, что хмель недолго держится в рыжеволосой голове Дерябы. Пара верст конного ходу на встречном ветру – и от хмеля не останется и следа.

Коломец нахлобучил на черную, вихрастую голову шапку и вышел из комнаты. В сенях он грозно взглянул на парней и рявкнул:

– Ну, чего расселись? Атаман велел – по коням!

2

Отряд из двадцати всадников, во главе которого скакал на гнедом, рослом коне сам атаман Деряба, нагнал караван меньше чем за полчаса.

Напали внезапно. Выскочили из кустов, как лешие из малинника, и принялись рубить конвой кривыми печенежскими саблями.

Первому охоронцу срубил мечом башку с плеч сам Деряба. Второго пронзил пикой Коломец. Еще трое охоронцев выхватили из ножен мечи, но воспользоваться ими не успели.

Разбойники рубили их мрачно, деловито и угрюмо: взмах – удар, взмах – удар... Работа привычная.

Один из охоронцев, розовощекий паренек лет осьмнадцати, сумел прорвать круг и пришпорил было коня, но разбойник Хлюп вскинул лук и пустил ему вслед стрелу. Стрела пронзила мальчишке горло, и он замертво свалился с коня в дорожную пыль.

Вскоре с охоронцами было покончено, и разбойники, хрипло дыша, повернули коней к подводам. В крайней из них сидели трое. Толстый бородатый мужик с отечным лицом и в богатом кафтане; худая баба лет сорока, одетая, как одеваются купчихи, и еще один человек – еще не старый, но уже седой, с бритой по-иноземному бородой и с какими-то слюдяными кругляшками на глазах. Ужас нагнал на сидящих столбняка.

Но вот один из троих, толстобрюхий купец, опомнился, вскочил на ноги и стеганул коренную лошадку плетью по крупу, но чернобородый Коломец преградил им путь и, схватив лошадь под уздцы, заставил подводу остановиться.

– Тпру! – рявкнул он, да так сильно и страшно, что лошади в ужасе прижались друг к другу и запрядали ушами.

Толстопузый купец хотел спрыгнуть с подводы и броситься наутек, но атаман Деряба занес над его головой саблю и резко проговорил:

– А ну стой!

Купчик зажмурился от блеска клинка, перепачканного кровью, и присел на корточки.

– Вот так, – ухмыльнулся Деряба.

Он опустил саблю и отер свободной рукою потный лоб. Рубить людей – тяжелая работа. У Дерябы ныла рука и болело плечо. Зато хмель окончательно выветрился у него из башки.

– Мальчишку сюды! – распорядился Деряба.

Один из разбойников сбросил с седла постреленка и пнул его ногой в спину, направляя к атаману. Мальчик пробежал несколько шажков на негнущихся ногах и остановился. Его сухое, остроносое лицо было бледным, почти серым. Он старался не смотреть на мертвецов, валявшихся на земле.

Деряба кивнул на купца и сурово спросил:

– Ну? Этот, что ли, твой Жадан?

Мальчик поднял взгляд и посмотрел на толстобрюхого купца. Тот глядел на постреленка умоляюще.

– Чего молчишь? Он или не он?

– Он, – хмуро ответил Прошка.

– Ладно, уйди в сторону.

Прошка опустил голову и отошел к обочине дороги. Рыжий атаман взглянул на купца и спросил:

– Чего везешь?

– Ничего, батюшка, – развел руками купец. – Деньги в товаре, а товар я в Онтеевке перегрузил, он теперь с моим человечком до самого Яров-града поедет.

Деряба вздохнул и снова поднял саблю. Глянув на страшную саблю, купец побледнел и взмолился:

– Смилуйся, атаман, не губи! Помилуй бедного купца, буду век за тебя Велесу и Перуну молиться!

Деряба вдруг склонился с коня, быстро схватил купца одной рукою за ухо, оттянул его и полоснул по уху саблей.

Купец заорал, а Деряба выпрямился и швырнул отрезанное ухо в пыль. На лице его при этом не было никакого задора. Он словно бы делал привычную и скучноватую работу. Дождавшись, пока купец перестанет орать, атаман заговорил снова:

– Вишь, чего с ухом-то. Такое же и с пузом твоим будет, коли деньги не отдашь.

Купец с ужасом смотрел на атамана. По его пальцам, прижатым к покалеченной голове, текла кровь, а по толстым, отвислым щекам стекали в усы блестящие слезы.

– Батюшка родимый, нету денег, – протяжно и горестно проговорил он. – Не губи... Пуст я совсем.

– Так нет?

– Нет! Ничего нет!

– Ну, ладно. Нет так нет.

Деряба стал было отворачиваться, но вдруг размахнулся и рубанул купца саблей по голове.

Кровь брызнула в стороны. Сидевшие в подводе люди закричали от ужаса и отшатнулись. Голова купца раскололась пополам, как тыква.

Деряба выдернул из разрубленной головы клинок сабли и обтер его об рогожу.

Тело купца перегнулось через край подводы и затем тяжело, будто куль с мукой, рухнуло в пыль.

Теперь взгляд атамана остановился на бабе. В последние годы многие купецкие вдовы сами вели дела. Иные из них оказались в деле более удачливыми и тертыми, чем их почившие мужья, и за короткий срок удвоили, а то и утроили

свои состояния.

– Ну, что, купчиха? – тихо спросил Деряба. – Дашь денег?

Лицо купчихи дрогнуло, а из глаз брызнули слезы.

– Нету... – пробормотала она сквозь слезы. – Нету денег, голубчики. Все в товаре.

Деряба вздохнул и хотел что-то сказать, но тут один из разбойников, кривоногий печенег Карумка, завопил:

– Атаман! Кто-то скачет!

Деряба повернул голову и глянул вдаль. По дороге и впрямь скакал всадник. Разбойники тотчас повыхватывали из ножен сабли. А Хлюп взял в руку лук.

– Атаман, хочешь, я его сниму? – спросил он.

Деряба нахмурился и покачал головой:

– Нет. Поглядим, кто таков и чего надо.

Всадник не спеша приближался к каравану. Деряба и прочие разбойники зорко и угрюмо следили за его приближением, хотя в начинающихся сумерках фигура всадника выглядела неясно и размыто.

Бояться одинокого всадника лихим разбойничкам было негоже, и в их свирепых глазах застыло только мрачное любопытство.

Наконец всадник подъехал к передней подводе и осадил коня. Он был одет в охотничью куртку, кожаные штаны и ичиги. Волосы были длинные, а борода короткая. Сам молод, но не по возрасту угрюм.

– Кто у вас главный? – сухо осведомился всадник.

– А тебе чего? – грубо спросил Коломец и приподнял саблю, но Деряба положил ему руку на плечо, прищурил глаза на незнакомца и глухо проговорил:

– Ну, я главный. А ты что за ком с горы?

Всадник взглянул на Дерябу и сказал:

– Хочу, чтобы ты сложил оружие и поехал со мной.

Конопатое лицо Дерябы вытянулось от изумления.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Незнакомец кивнул:

– Да.

Деряба весело глянул на своих людей, как бы говоря – ребята, вы это видели? Разбойники загоготали. Атаман снова перевел взгляд на незнакомца и весело осведомился:

– И зачем же я тебе понадобился?

– За твою голову назначена большая награда, – сказал незнакомец так, будто речь шла о совершенно обычном деле. – А мне очень нужны деньги.

– Вот как? – Ухмылка сползла с губ Дерябы. – Ты, я вижу, погибели ищешь, щенок? Ну, считай, что ты ее нашел. А ну, Карумка, секи его!

Лезвие сабли сверкнуло над головой Карума, однако рубануть степняк не успел. Всадник сдернул с плеча черный посох, и вдруг что-то гроыхнуло. Карумка свалился с коня, несколько раз дернулся в пыли и замер навсегда.

– Атаман, у него ольстра! – дрогнувшим голосом проговорил Коломец.

– Сам вижу! – хмуро отозвался Деряба.

Дуло ольстры смотрело атаману в грудь. Уцелевшие разбойники сбились в кучу, как перепуганные овцы.

Некоторое время все молчали. На небе темные мороки заволокли солнце, и сумерки еще больше сгустились. На лицо незнакомца упала тень.

– Мне нужен только атаман, – негромко проговорил он. – Отдайте мне его, и я...

Договорить ходок не успел. Из леса с клекотом вылетела спуржун-птица, одно из самых страшных и кровожадных исчадий Гиблого места. Перепончатые, будто у летучей мыши, крылья на мгновение затмили свет.

Незнакомец повернулся к лесу и вскинул ольстру, но сделал это недостаточно быстро. Один из когтей спуржун-птицы уцепился за плащ парня и дернул его кверху.

Атаман, единственный, кто не растерялся и не замер на месте от ужаса, выхватил из рук одного из разбойников копье и, привстав на стременах, метнул его в летающую тварь.

Копье со свистом рассекло воздух и вонзилось чудовищу под левое крыло. Перепончатокрылая тварь упала на траву и забилась в предсмертных судорогах.

Незнакомец, упавший рядом с тварью, быстро вскочил на ноги и направил на Дерябу свою ольстру, однако в лицо ему уже смотрел железный наконечник стрелы.

– Тихо, Хлюп, – негромко сказал лучнику Деряба. – Тихо.

Некоторое время оба – незнакомец и атаман разбойников – молчали. Потом Деряба облизнул губы и спросил:

– Что будем делать, парень?

– За твою голову купцы готовы дать пятьдесят золотых солидов, – ответил незнакомец.

– Вот как? – Деряба усмехнулся. – Нешто ты веришь толстобрюхим?

Незнакомец молчал. Тогда рыжий атаман сказал:

– Я спас тебе жизнь. Если б не я, спуржун-птица разорвала бы тебя на части.

– Ты спасал свою жизнь, а не мою, – возразил незнакомец. – Она бы перерезала всех.

– Но я ее сгубил, – спокойно заявил Деряба. – И ты жив.

Они еще немного помолчали. Поскольку незнакомец не торопился с ответом, Деряба заговорил снова.

– Я хочу уйти, – сказал он. – Просто дай нам уйти, и мы тебя не тронем.

Незнакомец по-прежнему молчал. Тогда Деряба положил руку на предплечье Хлюпа и пригнул его лук книзу.

– Вот, – сказал он, внимательно глядя на незнакомца. – Теперь я беззащитен пред тобой. Решай, как поступишь.

Еще несколько мгновений незнакомец держал Дерябу на прицеле, затем тоже опустил свою ольстру.

– Ладно, – проговорил он с досадой. – Сейчас ступай. Но в следующий раз пощады не жди.

– Не буду, – пообещал Деряба. – Но и ты помни: ежели снова попадешься на моем пути, медлить не стану. Уходим, ребята! – гаркнул Деряба.

Миг – и шайка разбойников растворилась, исчезла в облаках поднятой копытами лошадей пыли.

Незнакомец дождался, пока они уедут подальше, затем устало вложил ольстру в кобуру и взглянул на сидевших в подводе людей – купчиху и седого мужчину со

слюдяными кружочками на глазах.

– Как вы сюда попали? – спросил он.

– Заплутали, – ответил седой. – Сбились с дороги и заплутали.

Незнакомец дернул уголками губ, что, должно быть, означало усмешку.

– Далеко же вас занесло, – сказал он. – Отсюда полверсты до Гиблого места.

Купчиха покосилась на черную стену леса и сделала знак для отвода дурных сил.

– Мы, батюшка, того и не ведали! – промолвила она.

Незнакомец откинул со лба длинную каштановую прядь и сказал:

– Я заберу у вас одну подводу. Хочу увезти спуржун-птицу в Порочный град. Подводу оставляю в Хлыне, на постоялом дворе Дулея Кривого. Там и заберете.

– Да, батюшка, конечно, бери, – поспешно проговорила купчиха. – Я чай, за тварь эту хорошо заплатят?

Незнакомец ей не ответил. Он вынул из ножен меч и двинулся к расprostертым на дороге человеческим телам. Несколько минут он был занят тем, что отрубал мертвецам головы.

Купчиха и седой отвернулись, чтобы не видеть этого. Они знали: незнакомец рубил головы, опасаясь, что мертвецы превратятся в упырей.

Купчихе, которую звали Истрина, пришлось однажды видеть упыря вблизи. Дело было во время ночных гуляний, посвященных богу Роду. Ходячий мертвец, которого голод погнал далеко от Гиблой чащобы, вышел из ночного леса, схватил одну из девок и утащил ее в лес.

Парни, которые были с девкой, перепугались. Упырь был неповоротлив, но никто из них даже не попытался его догнать. С утра деревенские объявили облаву и даже взяли след упыря, но за ночь он успел уйти далеко, а соваться за ним в Гиблое место никто не посмел.

Управившись со своей жуткой работой, незнакомец тщательно обтер меч об дерюгу и вложил его в ножны. Затем взглянул на мертвую спуржун-птицу и что-то подсчитал в уме.

Истрина знала, что внутренности и части тела многих обитателей Гиблого места обладают чудодейственными свойствами. Говаривали, к примеру, что кровью лесной нелюди можно лечить многие болезни. Впрочем, кровь нелюдей стоила так дорого, что даже ей, состоятельной купчихе, была не по карману.

Незнакомец глянул на седого и попросил:

– Помоги мне погрузить тварь в телегу.

Сказал вроде негромко, а голос был такой, что не ослушаешься. Седой слез с подводы и боязливо подошел к мертвой спуржун-птице. Загрузить в телегу пятипудовую крылатую тварь оказалось делом нелегким, однако вдвоем они справились быстро.

Незнакомец привязал своего коня к телеге, запряженной двумя крепконогими лошадами, отер рукавом куртки потный лоб и сказал, обращаясь к Истрине и седому:

– Через версту с гаком будет развилка. Свернете направо и доедете до рассеченного молнией дуба. Там свернете налево. Дорога побежит по чистому полю. К вечеру будете в Хлынь-граде. Мороки на небе разошлись, а до заката еще далеко, так что бояться вам пока нечего.

Истрина робко улыбнулась.

– Спасибо тебе, добрый молодец. А ты сам-то как же?

– Я напрямик, – коротко ответил незнакомец. – По лесной тропе.

Светлые глаза Истрины слегка потемнели. Она опасливо покосилась на лес и тихо проговорила:

– Так ведь там темные твари. Нешто не боишься?

Парень усмехнулся.

– Боюсь. Но думаю, что меня они боятся больше.

Незнакомец поправил на поясе сумку-ташку, затем достал из нее несколько небольших вещей и вставил их в свою страшную ольстру. Потом положил ольстру в подводу, взял в руки вожжи и, пожелав купчихе и седому страннику удачи, погнал телегу к лесу.

– Да помогут тебе боги, добрый человек! – крикнула ему вслед Истрина.

Телега, подпрыгивая на кочках, съехала на лесную тропу и скрылась за деревьями.

Седовласый мужчина поправил пальцами слюдяные кружочки на глазах и тихо спросил:

– Интересно, кто это был?

– Ходок, кто ж еще, – так же тихо ответила Истрина.

– Ходок?

Истрина покосилась на седого с сомнением.

– Ходок в места погиблые. Нешто не слыхал?

Тот качнул головой:

– Нет.

– Ну, стало быть, еще услышишь. – Истрина отвернулась и с тревогой посмотрела на солнце. – Скоро будет темнеть. Пора отсюда уезжать.

Седой неуверенно посмотрел на обезглавленные тела охоронцев.

– А с ними что делать?

– Этим уже не поможешь, – ответила Истрина. – Как солнце сядет, понаползут из леса темные твари и до косточек обглодают. Ну все, седай в подводу.

Устроившись на подводе, Истрина стегнула лошадей поводьями и прикрикнула:

– Н-но, пошли!

Лошади словно того и ждали. Они резво взяли с места и, набирая скорость, понесли подводу прочь от жуткого места.

Когда подвода скрылась из глаз, Прошка, про которого все в суматохе позабыли, выбрался из кустов бузины и медленно подошел к лежащему у обочины купцу Жадану.

Ходок справился со своей работой неважно. На шее купца темнел глубокий рубец, но голова не полностью отстала от тела.

Мальчик нахмурился, нагнулся и поднял с земли окровавленный меч.

Некоторое время Прошка стоял перед трупом с мечом в руках, тощий, худой, бледный, с темными, глубоко запавшими глазами. Потом нахмурился и швырнул меч на землю.

– Не смогу я, – дрогнувшим голосом пробормотал он. – Ты вот что, Жадан... Ежели оживешь, меня не ищи. А найдешь, тебе же будет хуже. Потому что тогда я сам тебя убью.

Сказав так, мальчик повернулся, сошел с дороги и затрусил через поле мелкой рысью – все дальше и дальше от Гиблого леса.

3

Дверь открылась, и через порог переступил чернобородый Коломец.

– Вот, – хрипло сказал он и втокнул в комнату Прошку. – Пострела нашего к тебе привел.

Деряба убрал от жирного рта кусок вареной говядины и глянул на мальчишку маслянистыми от сытости и хмельного меда глазами.

Мальчишка едва стоял на ногах от усталости. Ясное дело, добирался до схрона пехом. Часа два, наверно, брел, не меньше.

Деряба отер рукавом рот и спросил:

– Чего хочешь?

– Атаман... – Голос мальчишки звучал тихо и сипло. – Возьми меня в свою ватагу.

– В ватагу хочешь? – Деряба криво ухмыльнулся. – А на что ты мне?

– Я тебе пригожусь, – пробормотал Прошка, пошатываясь от усталости. – Я ловкий... На мне мяса нет, а кости у меня гибкие, как ивовые прутья. В любую дыру пролезть смогу.

– Гм... – Деряба задумчиво поскреб жирными пальцами волосатую щеку. В голову ему, кажется, пришла какая-то идея. – Гм... – снова проговорил атаман и, скосив глаза на Прошку, поинтересовался: – Души не губливал?

Прошка покачал головой:

– Нет.

– А коли придется, погубишь?

– Коли нужда заставит, так погублю.

Атаман посмотрел на парня с жестким прищуром.

– Ладно. Присягай мне.

На худом лице мальчишки появилась растерянность.

– А как присягать-то? – неуверенно спросил он.

– Повторяй за мной: «Присягаю не щадить живота моего за атамана и товарищей...»

– Присягаю не щадить живота моего за атамана и товарищей, – послушно повторил мальчишка.

– Попадусь в полон, никого не выдам. Будут бить, стану молчать. Будут истязать, стану молчать.

Прошка повторил и это.

– Резать будут, буду нем, как рыба, – продолжил Деряба.

– Резать будут, буду нем, как рыба, – тихо отозвался мальчишка.

– А нарушу клятву, быть мне убиту, как собаке!

– А нарушу клятву, быть мне убиту, как собаке.

Деряба усмехнулся и незаметно подмигнул Коломцу.

– Молодец, пострел! Теперь ты в моей шайке. – Он вынул из деревянной тарелки большой кусок мяса и швырнул его Прошке.

Тот поймал мясо и с жадностью впился в него зубами. Атаман посмотрел, как он рвет мясо и глотает его, не жуя, и покачал головой.

– Теперь вот что, – снова заговорил он. – Отъешься, отоспишься, а с утра двинешь в Порочный град.

На мгновение мальчишка перестал работать челюстями.

– В Порочный град? – переспросил он, не поверив своим ушам.

Деряба кивнул:

– Да. Переоденешься нищим.

Мальчик опустил руку с куском мяса и, глядя на Дерябу гневно замерцавшими глазами, глухо проговорил:

– Я никогда не побирался.

– Ничего, научишься, – отозвался атаман. – И зенками на меня не сверкай. Я тебя в Порочный град для дела посылаю. Поброди там, послушай.

– А чего слушать-то?

– Все, что может пригодиться. Особо на купчишек поглядывай. Может, кто чего сболтнет по пьяной лавочке. Нынче многие купчишки свой товар тайными тропами возят. Вот об этом и слушай. И вот еще что. Кто такие ходоки, знаешь?

– Ходоки в места погиблые? – переспросил Прошка.

Атаман кивнул:

– Ну.

– Кто ж про них не знает.

– А сегодняшнего ходока, который за головой моей приезжал, помнишь?

– Помню.

– Сможешь его, ежели случится, распознать?

– Верно, смогу.

– Хорошо. Увидишь, бросай все и ковыляй за ним. Узнай мне про него все, что сможешь.

Прошка с сомнением нахмурился.

– А зачем тебе это?

– Должок ему хочу отдать. Ежели найдешь да разузнаешь, награжу деньгой. Все понял?

– Да.

– Ну и ладно. Теперь доедай да заваливайся спать. Коломец, подыщи ему топчан да местечко потеплее.

Чернобородый разбойник кивнул.

– Сделаю. Слышь ты, пострел, пошли!

Он хотел взять мальчишку за шиворот, но тот увернулся и, прижав к груди кусок мяса, сам выскочил из комнаты. Коломец хотел шагнуть за ним, но атаман его окликнул:

– Погоди-ка.

Коломец остановился и вопросительно взглянул на Дерябу.

– Чего?

– Мальчишку могут узнать, – негромко проговорил тот. – Так ты поработай над его мордой. Только не сильно. Нос и глаза не режь. И гляди, чтобы кровью не истек.

Коломец приподнял черную бровь и недоуменно спросил:

– Как же он – в тряпках, что ли, в град пойдет?

Деряба насмешливо прищурил недобрые глаза:

– А чего? Так даже жалостливее. Ну, все, иди.

Подождав, пока за Коломцом закроется дверь, Деряба запустил руку в тарелку, выбрал самый жирный кусок мяса и, запихав его в рот, мерно заработал челюстями.

4

Это был странный мужчина. На вид – лет тридцать пять – сорок, но голова уже седая, словно у старика. Но самым любопытным были прозрачные слюдяные кружочки, которыми он зачем-то прикрывал глаза.

Впрочем, Хомыч не особо удивился. В Порочный град приходит много чуждых людей. Этот приехал на подводе, накрытой рогожей. Увидев Хомыча, он остановил лошадей и громко проговорил:

– Эй! Ты тут старожил?

Хомыч, сидевший на бревне перед полыхающим в сумерках костерком, глянул на незнакомца острыми глазками.

– Старожил – грыжу нажил, – ухмыльнулся он беззубым ртом. – А тебе чего надо-то?

Незнакомец слез с подводы. Затем вытащил из-под рогожи бурдюк, вынул пробку и протянул бурдюк старому бродяге.

– Тут водка, – объяснил он. – Хочешь хлебнуть?

Бродяга прищурился на бурдюк и сглотнул слюну. Затем неуверенной рукой принял бурдюк, сунул в него багровый нос и недоверчиво принялся.

Седой смотрел на Хомыча с любопытством.

«Вот глядит, – подумал Хомыч недовольно. – Должно быть, путешественник. Они все любопытные».

Хомыч запрокинул плешивую голову и хорошенько отхлебнул из бурдюка. Водка горячей волной пробежала по груди.

– Ух... хороша...

Седой путешественник улыбнулся.

– Рад, что тебе понравилось. Как тебя зовут?

– Хомыч, – ответил бродяга.

– Послушай, Хомыч, я тут человек новый. Ничего про местные обычаи не знаю. Будь добр, расскажи мне про Порочный град.

– Я бы рассказал, да не знаю, что.

– Все, что найдешь нужным. Я прибыл издалека, из земель моравийских. До нас доходят только слухи. А я, перед тем как самому осматриваться, хочу, чтобы мне кто-нибудь про здешние дела поведал.

– Что ж, – улыбнулся Хомыч, – коли так, то расскажу. Только рассказ свой издалека начну, ладно? – Бродяга снова отхлебнул из бурдюка, обтер губы ладонью и заговорил: – Годков этак пять назад наша княгиня Наталья захворала.

Ну, тогда-то она еще была княжной. Вот, значит, захворала она, и спасения ей от хворобы никакого. Пришел тогда один лекарь чужеземный да и говорит: «Добудьте, говорит, пробуди-траву для княжны, а то помрет». А трава та только в Гиблом месте и растет. И порешил князь отрядить на поиски пробуди-травы отрядик.

Слюдяные кружочки на глазах путешественника блеснули, отражая свет костра.

– А в ту пору был в городе один странник, – продолжил, поглядывая на него, Хомяч. – Звали его Глеб. Вызвал его к себе князь и говорит: «Пойди, – говорит, – в Гиблое место и разыщи мне пробуди-траву...»

– А почему он обратился к этому страннику? – поинтересовался седой.

– Так ведь из наших никто в Гиблое место не пошел бы. Даже княжьи охоронцы и те бы трусили.

– Это почему же?

– Да потому что, кто в Гиблом месте погибнет, тот упырем станет и будет по свету бродить да кровушку людскую пить.

Седой путешественник поправил пальцами слюдяные кружочки на глазах и сказал:

– Ты это серьезно?

– А то как же, – усмехнулся Хомяч. – Это всем известно. Вот и послал князь Глеба-чужеземца в Гиблое место. А с ним еще четырех полонцев.

– Полонцев?

Бродяга кивнул:

– Угу.

– За что ж их полонили?

– Да за разное. Охотник Громол княжьего мытаря насмерть побил. Васька Оляха бурую пыль добывал в обход княжьего указу. Был с ними еще один печенег, да я его имя позабыл. И еще один старик – навроде меня.

– Про бурую пыль я знаю, – кивнул путешественник. – Чрез ваших торговых людей она и до нас дошла. Так, значит, вы ее в Гиблом месте добываете?

– Ясное дело, там. Все, что в нашем княжестве чудно?го есть, все оттудова. Так вот и послал князь отрядик в Гиблое место. Да только отрядик тот сгинул.

– Сгинул? Весь?

Хомыч покачал головой:

– Не, не весь. Остался Глеб. И еще один охоронец, что с ними увязался, по имени Крысун.

– А зачем он с ними увязался?

– Мысль хитрую имел. И не прогадал. Когда он из места Гиблого вернулся, много чудных вещей принес. Да и бурой пыли, сказывают, немало нашел. Пришел из Гиблого места – и враз разбогател.

Путешественник помолчал, обдумывая рассказ старого бродяги. Хомыч тем временем снова отхлебнул из бурдюка и подбросил в костер немного валежника. Пламя разгорелось ярче.

– Значит, полонцы погибли, – задумчиво проговорил путешественник. – А как же они погибли?

– Да кто как. Ваську Ольху, татарина и охотника газарцы лесные пиками проткнули. А старец Осьмий в упыря оборотился.

Глаза путешественника моргнули два или три раза за прозрачными кружочками слюды.

– Чудны?е дела у вас в княжестве творятся, – недоверчиво проговорил он.

– Это верно, – согласился бродяга и снова потянул бурдюк к губам.

Седой подождал, пока он отхлебнет, и спросил:

– Так что ж теперь с Гиблым-то местом? И отчего здесь град Порочный вырос?

– А это очень просто, – ухмыльнулся Хомыш. – После того как Крысун разбогател, много охочих нашлось в место Гиблое прогуляться. Да только обычный человек в Гиблом месте не уцелеет. Вот и стали люди для того ходоков нанимать. Вроде провожатых. Чтоб те им помогли из Гиблого леса чудных вещей принести.

– И что, в Гиблое место постоянно кто-то ходит? – поинтересовался седой.

Бродяга отрицательно качнул плешивой головой:

– Да нет, конечно. Вот только ходоки... Те только Гиблым местом и живут. Если людишек не водят, то на нечисть охотятся. Силки на упырей да волколаков ставят.

– Как силки? – не понял путешественник. – Зачем силки?

Бродяга насмешливо прищурился.

– А ты в местных кружалах еще не был?

Путешественник покачал головой:

– Нет.

– Зайдешь – поймешь. – Хомыш отхлебнул из бурдюка, вытер рот ладонью и, усмехнувшись, добавил: – Нечисть нынче в цене. Бава Прибыток и Крысун за хорошего оборотня могут целую жменю золотых денег отвалить.

– Зачем же им оборотни? – удивился путешественник.

– Да ясно зачем. В здешних кружалах твари лесные в клетках дерутся, а пришлые люди на них денежку ставят. И людям развлечение, и Баве с Крысуном доход.

Бродяга облизнул губы и, понизив голос, добавил:

– А есть еще такие, которые с нелюдью да волколаками любовными утехами занимаются. Это, конечно, дороже.

Лицо путешественника, освещенное пламенем костра, вытянулось от изумления. Слюдяные кружочки полыхнули рыжим огнем.

– Тут и это дозволено?

– Дозволено, – кивнул бродяга. – Волколачихи часто красивые попадают. Не говоря уж про нелюдь.

Седой путешественник задумался. Было видно, что ему стоит огромного труда осмыслить слова Хомыча.

– Нда... – проговорил он наконец. – Скажи-ка, Хомыч, а кто из ходоков самый лучший?

– Лучший-то? Гм... Многих я ходоков знавал, которые из Черного бора да из Гнилой чащобы не вернулись. А с ними и людишки, что за чудесами отправлялись, сгинули. А Глеб-Первоход уже пять годков в Гиблое место ходит. И по сию пору жив.

Бродяга счел нужным подкрепить свои слова хорошим глотком водки. В голове у него уже слегка помутилось, и соображал он довольно туго, но зато на сердце с каждым глотком становилось теплее и радостнее.

Все-таки какой молодец этот Глеб-Первоход, что водку изобрел. Жаль только, что секрет ее приготовления он купцу Баве продал. Продав и условие жестокое вместе с деньгами взамен получил – более никому секрет тот не раскрывать.

Огонь в костре слегка поугас. Путешественник, продолжая о чем-то думать, поднял с земли парочку толстых палок и бросил их в костер. Пламя приподнялось, и слюдяные кружочки на глазах седого снова засверкали.

– Послушай, Хомыш, ежели Гиблое место такое страшное, почему же в него люди ходят?

Бродяга грустно улыбнулся.

– Эх, мил человек... Людишки – они ведь мечтами живут. Жизнь кругом обрыдлая. Неурожаи, поборы, хворобы, зверье. А хуже зверья – люди. То хазары набегут и села огнем пожгут, то соседнее княжество войной пойдет. И некуда простому человеку от бед и несчастий деваться.

– Ну, так и просили бы о помощи богов, – сказал на это седой странник. – Зачем в Гиблое место-то идти?

Хомыш горестно усмехнулся.

– На богов нынче уж никто не надеется. А из мест погиблых, коли живым вернешься, так и счастья с собой кусочек принесешь. Не всегда, конечно, но... Погоди-ка. А тебе самому-то Гиблое место зачем?

Путешественник снял с глаз кружочки, протер их краем рубахи и снова посадил на нос. Потом посмотрел сквозь эти кружочки на бродягу и сказал:

– Я, Хомыш, тоже чуда хочу.

– Вона как. – Бродяга крикнул. – А голову за чудо сложить не боишься?

Седой усмехнулся и проронил:

– Недорого она нынче стоит, голова-то моя.

– Что так? – прищурился бродяга.

– Да вот так.

Они немного помолчали, глядя на огонь. Седой хмурил брови, Хомыч улыбался. Языки пламени двоились и кружились в его глазах, и Хомычу это зрелище представлялось уморительно веселым.

Вдруг где-то неподалеку ухнул филин. Седой вздрогнул и рассеянно перекрестил себя щепоткой. Брови Хомыча взлетели вверх. Вон оно что! Этот седой чудака – христианин! Ну и дела. А с виду нормальный человек.

– Слышь-ка, – тихо заговорил Хомыч, глядя на путешественника любопытными глазами, – а ты часом не христианин?

– Христианин, – тихо и серьезно ответил путешественник. – А что?

– В единого бога веруешь?

– Верую.

– А правду говорят, что ваш бог к кресту прибит и плачет?

– Он не просто так плачет, – сказал седой. – Он о тебе и обо мне плачет.

Хомыч прищурил маленькие, насмешливые глазки:

– Чего ж он обо мне плачет? Жалеет, что ли?

– Жалеет, – согласился седой.

Хомыч усмехнулся. Он никогда не мог понять, как это один бог может управляться с огромным миром. У лешего вон каждый пенек в лесу наперечет. А кто за Дажьбога солнце зажжет? А кто тучку над посевами растянет, ежели Стрибога не станет? А мертвецов кто для помощи людям снарядит, коли Чернобог в тень не уйдет? Хозяйство-то вокруг огромное. Одному богу никак не справиться.

И потом: куда ж все остальные боги подевались, если один Иисус остался?
Нешто он их всех перебил?

Хомыч хотел было расспросить обо всем этом путешественника, да передумал.
Вместо этого он сузил морщинистые глаза и сказал:

– Слышь-ка... Ты знай: у нас ваших не больно жалуют.

– Почему? – удивился седой.

– Потому, что вы своих мертвых в землю закапываете и дожидаться под землей второго пришествия заставляете. А мы наших мертвых на кострах погребальных сжигаем и чрез то – в небо отпускаем.

Путешественник улыбнулся.

– И что, хорошо вашим мертвым на небе?

Хомыч подумал и ответил:

– Пожалуй, что не очень.

– Это потому, что все они жили в грехах и ничего о другой жизни не ведали, – объяснил седой. – А грехи – они ведь как путы железные. Опутай ими голубя, высоко ли голубь взлетит?

Хомыч рассеянно сморгнул, но не нашелся, что на это сказать.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул седой. – А Иисус научил, как людям от этих пут избавиться.

Бродяга покачал головой:

– Ты лучше никому про Иисуса своего не сказывай. А то могут и убить. У нас тут народ лютой. Чиркнут ножичком по горлу да в овраг бросят.

– Кровь мучеников – семя христиан, – непонятно сказал путешественник. – Чем меня попусту пугать, ты лучше скажи: где мне Глеба-Первохода вашего найти?

– Да где и всегда, – с усмешкой ответил бродяга. – Небось в большом кружале сидит. Он там завсегда обитает, когда в Гиблое место не ходит.

– А узнать мне его как?

– Спроси, любой покажет.

Путешественник поднялся с бревна и слегка размял затекшие ноги.

– Пойду познакомлюсь, – сказал он.

– Познакомься, – кивнул бродяга. – Чего ж не познакомиться. Только, слышь-ка, ты с ним поосторожнее. Ольстра у него громовая, да и меч-всеруб на боку не для шутки висит.

Седой улыбнулся:

– Хорошо, что предупредил. У меня к тебе еще одна просьба, Хомыч. Покарауль, пожалуйста, мою подводу. Я человек небогатый, но отблагодарю.

– Это мы можем, – кивнул Хомыч. – А с бурдюком-то как? Оставишь, что ли?

– Оставлю. Только много не пей. Я слышал, от водки люди дуреют.

– Насчет этого не беспокойся, – заверил его Хомыч. – Я свою меру знаю.

Он подмигнул путешественнику и снова приложился к заметно отощавшему бурдюку.

Комнатка была небольшая. Из мебели только кровать, стул да шкаф. И еще бронзовое зеркальце на стене. Снизу доносились отзвуки непрекращающейся гулянки. Играла музыка, орали пьяные мужики. В Порочном граде жизнь не останавливалась ни на секунду.

Лежащая в постели девушка была тонка и изящна. Лицо скуластое, загорелое, с нежными чертами. Глаза большие, ярко-синие. Волосы темные, мягкие. Зовут Диона. Странное имя, нездешнее.

Глеб Орлов опустил босые ноги на пол и покосился на кисти рук Дионы, обмотанные белыми тряпочками.

– Ты так и не сказала, что у тебя с руками.

Диона, едва прикрытая одеялом, отвела взгляд и удрученно вздохнула.

– Кипятком обварила. А тебе было противно?

Глеб покачал головой:

– Нет. Ты показывала руки лекарю?

– Показывала. Он дал мне траву и велел прикладывать.

Глеб кивнул. Затем достал из берестяной коробки самодельную сигарету, набитую сушеной и измельченной бутовой травой. Не «Мальборо», конечно, но на безрыбье и рак рыба. Впрочем, Глеб давно забыл вкус настоящих сигарет. Как и многое другое из того, что связывало его с прошлой жизнью.

– Первоход, – тихо окликнула его девушка. – Ты придешь ко мне еще?

Глеб высек из огнива клочок огня и зажег сигарету. Скользнул взглядом по ладной фигурке девушки, затем перевел взгляд на ее загорелое лицо с темными губами.

И акцент у нее какой-то странный.

– Откуда ты, Диона? – спросил Глеб.

– Издалека, – ответила девушка.

– И давно здесь работаешь?

– Четвертый день. А ты почему спрашиваешь?

Глеб выдохнул густое облако дыма, посмотрел сквозь него на девушку и спросил:

– Нравится работа?

Диона улыбнулась и ответила томным голосом, явно повторяя преподанный сводней урок:

– С тобой мне понравилось. Очень!

И все-таки странно, как такая красивая и юная девушка оказалась в утешном доме, снова подумал Глеб.

Впрочем, всякое бывает. Крепко затянувшись сигаретой, Глеб погасил окурок в кадке с геранью, обул кожаные ичиги, поднялся с кровати и привел в порядок одежду. Потом потянулся в карман за деньгами.

– Сколько?

Диона назвала цену.

Орлов удивленно приподнял брови. Не слабо! Такую цену за людей обычно не платят. Вот если бы Диона была волколаком...

Глеб представил себе собаку с головой Дионы и поморщился. Мерзость. Удивительно, как много вокруг извращенцев, готовых платить огромные деньги за коитус (иначе это и назвать нельзя) с лесной нечистью.

– Хозяин дорого тебя ценит, Диона, – сказал Глеб и выложил на стол несколько золотых монет.

Девушка хороша и мила, но жалеть ее не стоит. Силком ее сюда никто не тянул. В Порочном граде все работают по доброй воле. Кроме, конечно, запертых в клетки тварей, добытых Глебом и его коллегами-ходоками в Гиблом месте.

Последние пять лет сильно изменили Глеба. Прошлая жизнь теперь представлялась ему далеким полузабытым сном. Новый альбом Алины Полях, кутежи русских олигархов в Куршевеле, репортажи из ночных клубов Москвы и Питера – все то, о чем он когда-то писал, теперь казалось ему сущим бредом.

Реальность – настоящая, с запахом, вкусом и болью – была здесь. За много лет до наступления христианской эры, в жестоком языческом мире, по сравнению с чудесами которого все «чудеса» двадцать первого века представлялись ничтожными дешевыми фокусами.

Попрощавшись с Дионой, он вышел в коридор и стал спускаться вниз по узкой деревянной лестнице.

Глеб залпом выпил холодную водку и поставил оловянный стаканчик на стойку. Водка была неважная, хотя Фрол (Глеб сам его этому научил) прогонял ее для очистки сквозь древесный уголь.

Занюхав водку горбушкой хлеба, Глеб достал из кармана самодельную оловянную вилку, наткнул на зубья соленый рыжик и отправил его в рот.

В кружале играла музыка. Ритмичный грохот барабана перекрывал перезвон бубна и тонкое, бьющее по нервам завывание флейты. На стенах горели факелы, а на круглом возвышении, отгороженном от переполненного народом зала железными прутьями клетки, извивалась в нелепом танце женщина-нелюдь.

Ее огромные молочно-белые груди размеренно колыхались из стороны в сторону, а шесть необычайно гибких рук складывались в удивительные фигуры, подчеркивая ритм музыки.

Глеб знал, что эти грациозные руки, увенчанные длинными когтистыми пальцами, так сильны, что могут легко задушить даже быка.

Эту грудастую мегеру он сам поймал позапрошлой зимой. Защищая свою жизнь, девчонка едва не сломала ему шею.

– Озар! – окликнул Глеб целовальника. – Дай мне кувшин!

Целовальник Озар, огромный флегматичный мужик, нагнулся, открыл крышку погребка, достал с ледника запотевшую глиняную крынку, запечатанную притертой пробкой, и поставил на стойку.

– Из Гиблого места? – поинтересовался он, скользнув взглядом по усталому лицу Глеба.

Тот взял стаканчик и кивнул:

– Угу.

– Понятно. – Озар помялся немного и сказал: – Тут такое дело, Первоход... Брательник мой младший хочет стать ходоком. Я ему пытался втолковать, что все это дурь да блажь. Рассказывал, что у ходоков не жизнь, а сплошное мучение. Что они мрут, как мухи. Что их не любят ни боги, ни духи, ни люди. А он ни в какую. Уперся, и все тут. Уж и не знаю, как его отговорить. Вот я и думаю: может, ты подсобишь?

– Как?

– Потолкуй с ним. Расскажи чего-нибудь. Тебе и выдумывать ничего не надо, от твоей правды любого человека наизнанку вывернет. Пусть он просто в глаза твои посмотрит. Подсобишь?

Глеб усмехнулся:

– Запросто.

– Тогда я его как-нибудь приведу?

– Валяй, – кивнул Глеб.

Озар взял с полки тарелку с аккуратно нарезанным черным хлебом и несколькими шматочками соленого свиного сала, предназначенного для кого-то из посетителей, и поставил перед Глебом.

– Заведение платит, – сказал он и отошел в другой конец стойки, чтобы не мозолить Глебу глаза.

Люди побаивались и ненавидели ходоков, считая их, и не совсем безосновательно, существами Гиблого места. Менее жуткими, чем упыри и волколаки, но такими же чужими и непонятными.

Глеб выпил водки, заел салом и краюхой хлеба и снова посмотрел по сторонам.

Бава Прибыток и Крысун отгрохали великолепный зланный град, разместив его в трех верстах от пограничной межи, отделяющей Гиблое место от остального мира. Название «Порочный» полностью соответствовало тому, что здесь творилось.

По периметру града стояли будки с дозорными, призванными отражать вылазки нечисти, буде такие произойдут. Впрочем, нечисть перла сюда из леса нечасто.

Расцвел Порочный град быстро. Да и как тут не расцвести? Здешние заведения могли дать усталому человеку все, чего ему не хватало в обычной жизни: острые ощущения, сладострастные утехы, звериную разнузданность и полную безответственность.

На Град Порочный не распространялись никакие княжьи законы и указы. В обмен на то, что князь Егра закрывал глаза на творящиеся здесь дела, Бава Прибыток и Крысун щедро и регулярно пополняли его казну.

Иногда Глеб испытывал настоящую ненависть к этому средневековому «Лас-Вегасу». Знание о том, что сам он стоял у истоков возникновения Порочного града, заставляло его ненавидеть себя. И все же Порочный град давал ему возможность неплохо зарабатывать.

Гиблое место – особый разговор. С каждым месяцем ходить туда становилось все труднее и труднее. В тех местах, которые считались безопасными, вдруг появлялись новые ловушки.

Не было недостатка и в темных тварях.оборотни и волколаки становились хитрее. Даже упыри, несмотря на всю свою тупость, проявляли чудеса изворотливости. Фактически каждая третья экспедиция заканчивалась гибелью ведомого. Глебу пока, тьфу-тьфу, везло. А вот другим...

Глеб наполнил свой стаканчик водкой – светлая им память.

Иногда у Глеба появлялось ощущение, что Гиблое место защищает себя от натиска непрошенных гостей. Глупость, конечно, но как объяснить эти постоянные метаморфозы?

Месяц назад, прорубаясь сквозь чащобу, Глеб запутался в ветвях и вдруг понял, что ветви деревьев не просто хлещут его по лицу и груди, но пытаются схватить его, скрутить, обездвигить. А когда он стал рубить эти ветви, из зарубок потекла странная смола, похожая на кровь. Да и пахла она кровью.

Или взять хоть тот случай с ягодами костяники, произошедший неделю назад. Один из ведомых не послушался и, сорвав на ходу гроздь костяники, отправил ягоды в рот. И тут же кожа на его лице стала деревенеть и темнеть. Не прошло и минуты, как ведомый из живого человека превратился в жуткое подобие деревянного идола, покрытого морщинистой, грубой корой.

Случалось и кое-что пострашнее. Впрочем, Глеб предпочитал об этом не вспоминать.

Несколько раз он пытался добраться до Пепельного озера, но все попытки закончились ничем. Вместо озера перед Глебом белели густые облака белого тумана, плотные, высотой в человеческий рост. Зайти в этот туман Глеб решился лишь один раз, но тут же с воплем выскочил из него. Ощущение было такое, словно на него разом навалились все страхи, которые он испытал в жизни. Больше Глеб такие опыты не повторял.

Чудные вещи, которые люди таскали из Гиблого места, были удивительны и в большинстве своем абсолютно бесполезны. Многие из них отправляли своих

хозяев на тот свет прежде, чем те добирались до дома.

Впрочем, случалось и обратное. Иные владельцы чудных вещей становились неуязвимы. Другие богатели. Третьи излечивались от страшных болезней. Глядя на них, чуда жаждали и все остальные. Поток желающих отправиться за чудными вещами не иссякал. А пока дело обстояло подобным образом, Глеб не оставался без работы.

В очередной раз наполняя водкой стаканчик, Глеб обратил внимание на вошедшего в кружало мужчину.

Явный новичок в подобных местах. Среднего роста, седой, со слюдяными кружочками на глазах. Глеб его сразу узнал. Это был тот странный субъект, которому вздумалось путешествовать вблизи Гиблого места в компании купца Жадана и тощей купчихи, которую разбойники едва не спалили заживо.

«Приехал за острыми впечатлениями, – подумал Глеб неприязненно. – А насчет очков он молодец. Интересно, сам придумал или кто подсказал?»

Седой некоторое время таращился по сторонам. Он был явно в шоке от всего увиденного. От матерного гвалта, от разнузданной музыки, от дыма факелов и, главное, от вида обнаженной нелюди, трясущей грудями за прутьями клетки.

Очкастый остановился у стойки и взглянул на Глеба. В глазах его промелькнуло удивление.

– Ты? – не веря своим глазам, спросил он и слегка попятился. – Значит, купчиха не ошиблась! Ты действительно ходок!

Глеб нахмурился. Черт бы побрал этого очкарика. Пожалуй, если он не отстанет, стоит взять его за шиворот и вышвырнуть из кружала. Бава Прибыток, конечно, будет недоволен, он дорожит репутацией заведения, но уж с Бавой и Крысуном Глеб как-нибудь договорится.

– Так ты и есть Глеб-Первоход? – спросил седой и приветливо улыбнулся.

Глеб покосился на седого и хмыкнул.

– Чувствую, что я еще об этом пожалею, но – да.

Седой поправил пальцем очки и вдруг сказал, искоса поглядывая на Глеба:

– Пятьсот золотых солидов. Я готов заплатить их тому, кто мне поможет.

Глеб облизнул губы. Несколько секунд он сидел молча, уставившись в стаканчик с водкой. Пятьсот золотых солидов. Этой суммы ему хватило бы, чтобы «завязать» навсегда. Купить избу в Болгарском царстве, на берегу Черного моря. И чтобы больше никакого Гиблого места, никаких упырей и оборотней.

Глеб холодно усмехнулся своим мыслям, медленно повернул голову, посмотрел на незнакомца и осведомился:

– Как тебя кличут, чужеземец?

– Имя по крещению Тимофей. Прозвище – Лагин, – представился седой и поправил пальцем очки. – Ученый муж. Приехал из Моравии, где прожил десять лет. Но родом отсюда.

– Чего хочешь? Только коротко.

– Мне нужно пройти в Гиблое место, – сказал Лагин тихо, почти шепотом. – Очень нужно. Ты мне поможешь?

– Поведай о себе, – потребовал Глеб.

– Ну... я много странствовал. Десять лет назад осел в Моравии и стал учеником алхимика Гербериуса.

Глеб поморщился.

– Меня не интересуешь ни ты, ни твой учитель. Мне интересны только твои золотые солиды. Если, конечно, они существуют в природе. Откуда они у тебя?

– Солиды существуют. У меня есть рецепт превращения свинца в золото путем обработки свинца эдельфийской кислотой.

Глеб напряг память, пытаясь вытащить из нее сведения, полученные на уроках химии целую вечность тому назад. Название «эдельфийская кислота» ничего ему не говорило.

– Значит, ты богат? – сухо уточнил Глеб.

Лагин усмехнулся и покачал головой:

– Нет. У меня есть только шестьсот талеров. Запасы эдельфийской кислоты достались мне от Гербериуса. И они быстро иссякли.

– Попроси у Гербериуса еще.

– Не могу. Он давно умер.

– Вот как, – неопределенно проговорил Глеб. – А от меня тебе чего надо?

Седой очкарик чуть прищурился.

– Я уже сказал тебе, что знаю состав эдельфийской кислоты. Но в нее входят три частины, которые можно добыть только в Гиблом месте.

– Что за частины?

– Бурая пыль, выжимка цветка эльфенита и грязь из голодной прогалины.

Глеб усмехнулся.

– Эта грязь разъедает все дочиста. Разве ты не знал?

Лагин покачал седой головой:

– Не все. А только живые организмы.

Глеб нахмурился. За последние пять лет он много раз видел, как прогалины пожирали людям ноги, но штанины и сапоги при этом оставались целехоньки. Но откуда об этом известно приезжему ученому?

– Значит, ты хочешь отправиться в Гиблое место за частинами для своей кислоты?

– Да. Если дело выгорит, пятьсот солидов будут твоими.

– Что ж... Хорошо. А теперь говори правду, – неожиданно потребовал Глеб.

Очки Лагина удивленно блеснули.

– Что ты имеешь в виду?

Глеб стиснул стаканчик и процедил сквозь зубы:

– Будешь и дальше валять дурака, выбью твоей головой окно.

Несколько секунд Лагин молчал. Затем улыбнулся и проговорил с легкой досадой:

– Ты очень проницателен, ходок. Хорошо, я скажу тебе правду. Мне действительно нужны частины для эдельфийской кислоты. Но приехал я сюда не только из-за них. В Хлынское княжество меня вызвал брат. Но, к несчастью, я не застал его в живых.

– От чего он умер?

– От внутреннего кровотечения. Он прислал мне весть с купцом Жаданом. Тот разыскал меня в Блатнограде и обо всем поведал. В вашем княжестве творятся странные вещи, Глеб-Первоход.

– О каких именно странных вещах ты говоришь, ученый муж?

Слова «ученый муж» Глеб произнес с торжественной насмешливостью. Однако Тимофея Лагина это, похоже, ничуть не смутило. Он поправил пальцем слюдяные очки и спокойно ответил:

– Я говорю о нетленных.

Стаканчик с водкой замер у губ Глеба.

– Значит, слухи о них расползлись далеко за пределы нашего княжества? – сухо уточнил он.

Лажин усмехнулся:

– Как видишь. Купец Жадан рассказал мне, что трупы тех, кто при жизни нюхал много бурой пыли, не тлеют. Это ведь так, да?

Глеб промолчал, сочтя этот вопрос риторическим. Тогда Лажин нахмурился и строго проговорил:

– Секреты бальзамирования тел стоят очень дорого. Если провести несколько исследований...

Глеб качнул головой.

– У тебя ничего не выйдет, ученый муж. Полгода назад князь Егра издал указ, который обязует всех жителей княжества сжигать своих нетленных.

Глаза Лагина за слюдяными стеклышками чуть прищурились.

– Неужели ты думаешь, что люди выполняют этот указ? – тихо спросил он.

Глеб взял кувшин и плеснул в стаканчик немного водки.

– Тот, кто откажется сжигать нетленное тело родича, будет казнен! – отчеканил он и залпом выпил водку. Заел куском хлеба с салом и добавил, покосившись на Лагина: – Ты об этом, должно быть, не знал?

– Знал, но... – Ученый муж глянул по сторонам и облизнул губы кончиком языка. – Неужели ты думаешь, что люди не найдут способа обойти княжий указ? Не будь ребенком, ходок.

– Ты считаешь, что люди прячут их?

– Я в этом уверен! Мне рассказывали, что нетленные мощи родичей защищают дом от злых духов. Но дело даже не в этом. Разложение – это печать смерти. Но на телах нетленных этой печати нет. Люди относятся к своим нетленным мертвецам, как к крепко уснувшим.

– Вот как. И что же – ты собираешься отрезать от нетленного кусочек плоти и испробовать на нем действие эдельфийской кислоты?

Лагин усмехнулся и покачал головой.

– Ты не дал мне объяснить. Брат не зря вызвал меня сюда. Ваши трупы не только не тлеют. Они...

Ученый муж замолчал, быстро оглянулся по сторонам, затем нагнулся к Глебу и что-то прошептал ему на ухо. Глеб взглянул на Лагина, как на сумасшедшего.

– Ты не ослышался, – поспешно добавил тот. – И я могу доказать тебе это. Конечно, если ты сам этого захочешь.

– И как ты это сделаешь? – осведомился Глеб.

– У меня в подводе, под рогожей, лежит нетленный.

Глеб проглотил эту новость, не моргнув глазом.

– Надеюсь, ты знаешь, что вывозить нетленных с родного двора считается преступлением и карается казнью? – осведомился он.

Лагин кивнул:

– Знаю. Но... ты ведь не выдашь меня, верно?

Глеб помолчал. Посмотрел на стаканчик, подумал, затем протянул Лагину растопыренную ладонь и сказал:

– Дай руку.

– Зачем? – не понял тот.

– Дай.

Лагин вложил белую ладонь в загорелую пятерню Глеба. И вдруг лицо ученого мужа побелело, а его брови высоко взлетели вверх.

– Тебя послал князь Егра? – глядя ему в глаза, спросил Глеб.

– Нет.

– Я спрошу еще раз: тебя послал ко мне князь Егра?

На лице Лагина появилось изумление, затем – ужас, затем – выражение нечеловеческой боли. Однако кричать он не мог.

Глеб слегка ослабил хватку.

– Отвечай. Если скажешь ложь, я сожгу твою руку.

Лоб ученого муж покрылся бисеринками пота.

– Меня никто к тебе не посылал... – сдавленно проговорил он. – Я... не подослан...

– Тогда почему ты выбрал меня?

– Потому, что... ты пять лет ходишь в Гиблое место... и до сих пор жив.

– Это единственная причина?

– Нет... Ты все это начал... Ты и закончишь...

Глеб с удивлением взглянул на очкарика. Вот оно что. Похоже, этот очкастый парень возомнил себя орудием в руках судьбы. Он выпустил вялую руку ученого из своих пальцев.

Лагин потер руку, поморщиваясь от боли, но ученый в нем победил и на этот раз.

– Ладонь будто тисками сжали, – сказал он, задумчиво оглядывая руку. – А кости целы, и даже синяков нет. У тебя в ладони была чудная вещь?

Глеб кивнул и снова потянулся к кувшинчику.

– Так что ты там толковал про нетленных? – небрежно проговорил он, наполняя оловянный стаканчик водкой.

Лагин снова потер руку.

– Они разговаривают, – тихо сказал он. – Это сложно заметить. Нужно долго и сильно прислушиваться. Если получится, то можно услышать тихий голос.

– Что-то я не замечал, чтобы нетленные шевелили губами.

– Они не шевелят. Звук доносится из приоткрытого рта.

– Как из динамика магнитофона?

Лагин посмотрел на Глеба непонимающим взглядом. Глеб усмехнулся:

– Ладно, проехали. Откуда знаешь про голос?

– Сам слышал.

– У тебя есть знакомый нетленный мертвец? – иронично поинтересовался Глеб.

– Да.

– И кто он?

По лицу Лагина пробежала тень, и он тихо проговорил:

– Мой брат.

Глеб сдвинул брови.

– Гм... И что же ты хочешь от меня, ученый муж?

Лагин поправил пальцем очки и негромко сказал:

– Видишь ли, ходок... Я здесь человек новый. Меня никто не знает. И я никого не знаю. Поэтому...

Он замолчал, подыскивая подходящие слова, и Глеб закончил за него:

– Тебе нужен проводник не только по миру нечисти, но и по миру людей, верно?

Лагин кивнул:

– Да.

Глеб вновь взялся за кувшинчик.

– Ты хотя бы насчет талеров не обманул? – осведомился он, наполняя стаканчик.

Лагин отрицательно качнул головой:

– Нет. Они у меня есть. Спрятаны в надежном месте.

– И ты действительно готов с ними расстаться? Только ради того, чтобы решить загадку нетлеющих трупов?

Ученый муж поправил сползающие на нос очки и вздохнул.

– Ты не понимаешь, ходок. Это не просто загадка. Это... чудо. Если есть возможность поговорить с человеком, побывавшим на том свете, то я... Я просто обязан ее использовать.

Глеб усмехнулся:

– Выходит, ты христианин, которому не хватает веры? И который хочет, подобно Фоме неверующему, вложить персты в отверстые раны Господа?

Лагин посмотрел на Глеба изумленно.

– Ты читал Евангелие?

Глеб хмыкнул:

– Читал.

– На каком языке?

– На русском.

Глаза Лагина загорелись под стеклами очков.

– Дорого бы я отдал, чтобы взглянуть на этот перевод.

– Отдавать тебе уже нечего, – напомнил ему Глеб. – Ты только что лишился пятисот солидов.

– Значит, ты согласен?

Глеб потянулся к кувшину.

– Да, я согласен. Но если я пойму, что ты меня обманул, – берегись.

Ученый муж посмотрел, как Глеб наполняет свой стаканчик водкой, и улыбнулся.

– Я не такой безумец, чтобы обманывать ходока, вооруженного ольстрой. Кстати, не покажешь ли ты мне ее? Я много слышал об этом оружии, но никогда не видел его вблизи.

Глеб откинул рукой полу плаща:

– Смотри.

Приклад охотничьего обреза торчал из деревянной, обтянутой кожей кобуры. Лагин протянул к нему руку, но Глеб опустил плащ.

– Посмотрел, и хватит. А теперь я хочу посмотреть на твоего мертвого братца. Где он?

– В подводе, – ответил Лагин, вновь смурнея лицом.

– А подвода?

– Во дворе. Я поручил ее охрану одному местному бродяге.

– Хомышу?

– Да.

Орлов усмехнулся.

– Этот наохраняет. Ты вот что, ученый...

Вдруг зал взревел десятками мужских голосов. Глеб и Лагин вздрогнули и повернули головы, вглядываясь в полумрак.

– Что это там у них? – испуганно спросил Лагин.

И тут же ответил сам себе:

– Боже! Они собираются скормить эту девушку оборотню!

На деревянный помост, огороженный от зрителей железными прутьями клетки, выволокли оборотня, а затем втолкнули к нему девушку и захлопнули за ней дверь. Глеб сразу ее узнал – Диона!

Под смуглыми скулами Орлова вздулись желваки, черные брови съехались на переносице. Он встал со стула, вынул из кобуры ольстру и, как только оборотень бросился на девушку, нажал на спуск.

Прогремел выстрел, и оборотень грохнулся об помост с простреленной башкой. Не успел Глеб убрать ольстру в кобуру, а к нему уже неслись дюжие охоронцы Бавы Прибытка.

– Что ты себе позволяешь, ходок?! – крикнул один из них, подходя к Глебу.

Орлов не ответил. Человек семь охоронцев окружили его, все рослые, широкоплечие. А между дубовыми столами уже торопливо пробирался сам Бава.

– Ты убил моего оборотня! – заорал он, трясая от гнева черной бородой. – Супротив нашего с тобой договора!

– Ты пытался скормить ему девку, – невозмутимо ответил Глеб. – А на этот счет у нас с тобой никакого уговора не было.

– Девку? – Несколько секунд Бава Прибыток пялился на Глеба и вдруг расхохотался, ухватившись усыпанными перстнями пальцами за толстое брюхо. – Девку! Ой, не могу! – Отсмеявшись, он слегка повернул голову и распорядился: – Притащите ее сюда!

Трое охоронцев бросились выполнять приказание.

Диона отчаянно сопротивлялась, но руки и ноги ее были опутаны и стреножены веревками, и с тремя огромными парнями ей было не совладать.

Остановившись перед Глебом, она хмуро на него взглянула, затем перевела взгляд на Баву и с ненавистью процедила сквозь зубы:

– Чтоб ты сдох, толстый гад!

Прибыток на нее даже не взглянул. Он смотрел на Глеба.

– Значит, говоришь – девка. – Бава пригладил толстыми пальцами бороду и вдруг выхватил из-за пояса нож, схватил Диону за руку и быстрым движением срезал с ее ладони ткань.

Затем насильно раскрыл ей пальцы и показал Глебу ее ладонь.

Лицо Глеба вытянулось от изумления. С ладони на него смотрел, не мигая, круглый темный глаз.

– Так ты...

– Нелюдь, – закончил за него Бава Прибыток. – Хочешь посмотреть на другую руку? Могу показать!

Глеб нахмурился. Вот почему ее услуги стоили так дорого. Черт бы побрал этих нелюдей.

– Почему ты не сказала? – угрюмо спросил он.

Брови Дионы дрогнули.

– Я думала, ты уйдешь, – ответила она. – А я не хотела, чтобы ты уходил.

Глеб исподлобья посмотрел на хозяина кружала.

– За что ты бросил ее к оборотню, Бава?

– За что? Во, гляди! – Прибыток откинул со лба черную челку и показал Глебу испещренный царапинами лоб. – Видишь? Это она меня! Сказала, что лучше

сдохнет, чем снова раздвинет перед кем-нибудь ноги!

Глеб снова взглянул на Диону.

– Ты правда так сказала?

– Да, – гордо подняв голову, ответила она.

– Почему?

– Потому, что я... Потому что они... – Она вдруг сбилась, явно не находя слов, чтобы объяснить.

Глеб подождал немного, но, поскольку девка так и не заговорила, перевел взгляд на купца и спросил:

– Бава, ты можешь пощадить ее?

– А какой мне смысл? – вскинул косматые брови купец. – С этой дуры станется пустить себе кровушку. И на что она мне тогда? А на ставках больше, чем она мне принесет за полгода!

– Значит, не можешь, – мрачно констатировал Глеб. – Ну, а если я тебя попрошу?

Прибыток удивленно уставился на Глеба.

– Ну, если ты попросишь... – Он усмехнулся. – Тогда, пожалуй, могу и пощадить. Но только к просьбе своей присовокупи двадцать золотых.

– Ты хочешь мне ее продать? – не поверил ушам Глеб.

– Только если ты хочешь ее у меня купить.

Глеб криво ухмыльнулся. Ситуация была комическая. Вот уже четыре года Глеб занимался тем, что продавал Баве оборотней, волколаков и нелюдей. А сам, кроме выпивки и изредка женщин, ничего у него не покупал.

– Ну, так как? – поинтересовался благодушным голосом купец. – Берешь али нет? Ежели нет, так я сей же час выведу ее на помост, и биться она у меня будет не с престарелым оборотнем, а с настоящей голодной волколачихой.

Глеб прикинул свои наличные. Денег явно было недостаточно. Отсутствие денег заставило его взглянуть на вещи трезвее. Какого черта он вступился за мутантку? Только потому, что она похожа на человека? Но ведь и у волколака морда похожа на человеческую, и что с того?

О, боги, боги! Глеб передернулся. Да ведь он с ней переспал! Переспал с мутанткой!

Глеб сцепил зубы, достал из кармана серебряную резанку и швырнул ее на стойку.

– Ставлю на волколака, – небрежно произнес он и повернулся к своему кувшинчику.

Бава Прибыток схватился за толстые бока и расхохотался.

– Вот это другое дело! – весело выкликнул он. – А я уж подумал, что ты рехнулся! Как тот рыжий ходок, который по пьяной лавочке выпустил из клетки двух оборотней, которые его же, дурака, и слопали!

Бава повернулся к охоронцам и распорядился:

– Тащите эту дуру обратно на помост!

– Постойте! – раздался чей-то взволнованный, звенящий голос.

Прибыток обернулся и с удивлением уставился на седого, как лунь, мужика с молодым лицом и странными кругляшами на глазах.

– Тебе чего? – грубо спросил он.

Лагин протянул Баве кожаный кошель. Савостьянов глянул на кошель, и глаза его блеснули.

– Это чего?

– Деньги за девушку, – объяснил ученый муж. – Здесь двадцать золотых солидов.

Бава недоверчиво прищурился:

– Не шутишь?

– Нет.

– Что ж, коли так... – Купец бесцеремонно сгреб с ладони Лагина кошель и ухмыльнулся в черную бороду: – Диона твоя!

Охоронцы, окружившие стойку, заухмылялись.

Прибыток повернулся и зашагал прочь. Охоронцы, выждав, пока он пройдет мимо, затрусили за ним, словно свора огромных охотничьих псов.

Диона смущенно переминалась у стойки. Лагин поправил очки и взглянул на Глеба:

– Надо бы ее развязать...

– Развяжи, коли надо, – пожал плечами Глеб.

Ученый муж достал из ножен небольшой кинжал и шагнул к Дионе. Затем он долго перепиливал веревки, то и дело перекладывая кинжал из руки в руку и вытирая о штанину потную от волнения ладонь. Наконец девушка была свободна, а кинжал вернулся в свои ножны.

Глеб опустил взгляд на руку девушки – ту, с которой Бава срезал повязку, перевел взгляд на другую и спросил:

– Под второй повязкой у тебя тоже глаз?

Девушка кивнула.

– Они у тебя видят?

– Да. Но не так, как ваши глаза. Спасибо, что пытался меня защитить, Глеб.

– Знал бы, что ты нелюдь, не пытался бы, – угрюмо отозвался Орлов и снова наполнил свой оловянный стаканчик, вылив в него остатки водки из кувшинчика.

Диона помолчала и вдруг с надрывом проговорила:

– Я не виновата, что я такая.

Глеб промолчал. Лагин, смущенно переминаясь с ноги на ногу, тоже. Девушка усмехнулась:

– Брезгуешь? А в постели не брезговал.

По телу Глеба пробежала ледяная волна. Он сжал руки в кулаки и глухо проговорил:

– Помолчи, нелюдь. Помолчи, если не хочешь, чтобы я прикончил тебя прямо здесь.

– Глеб! – с упреком произнес Лагин. – Она ведь и впрямь не виновата, что...

– Это и тебя касается, – грубо осадил его Орлов. – Лучше подумай, что будешь с ней делать дальше.

– Да ничего не буду. Отпущу, и все.

– Дурак. Она не отойдет от кружала и трех шагов, как ее снова схватят.

– Как схватят? Я ведь ее выкупил!

– Да плевать они хотели на твои деньги. Эта девка – нелюдь! И место ее либо в Гиблом месте, либо в клетке с другими нелюдями.

Лагин растерянно блеснул очками.

– Так что же мне делать? – растерянно пробормотал он.

– Прогони. Или убей. Ты заплатил за нее золотом и можешь делать с ней все, что захочешь.

Диона стояла рядом со стойкой, угрюмо и яростно поблескивая глазами на таращившихся на нее посетителей.

– А что, если мы возьмем ее с собой? – предложил вдруг ученый муж. – Она может принести нам пользу. Гиблое место – это ведь ее родина!

Глеб усмехнулся.

– Ты не понимаешь. Она не человек. Она только похожа на человека.

– Да, но...

– Она воспользуется любой возможностью, чтобы перегрызть тебе глотку!

– Тебе же я не перегрызла, – тихо сказала Диона.

– А ты вообще помалкивай, – буркнул Глеб. – Где это видано, чтобы человек путешествовал по Гиблому месту с нелюдью?

Несколько секунд Лагин стоял молча, потом вдруг повернулся к двери и сказал:

– Пойдем, Диона! В конце концов, ходоков в Порочном граде много. Найдем другого.

Он взял ее за руку и повлек к выходу. Глеб ухмыльнулся и пробормотал:

– Ну-ну.

6

Когда Лагин и Диона подошли к двери, на пути у них выросли трое охоронцев. Один из них, растянув губы в зверской ухмылке, быстро шепнул что-то двум другим. Те кивнули и один за другим вышли из кружала.

Диона остановилась.

– Ты чего? – спросил ее Лагин.

– Глеб прав, они не дадут нам далеко уйти, – с горечью сказала Диона.

– Но я заплатил им золотом! И теперь ты свободна!

Диона покачала темноволосой головой.

– Это ничего не значит, – грустно и безнадежно проговорила она. – Я для них словно бешеная собака. И даже хуже. Как только мы выйдем из кружала, они меня убьют.

Лагин растерянно взъерошил ладонью седые волосы. Затем взял Диону за руку и повел ее обратно к барной стойке. Остановился возле Глеба, взглянул на него прямым, суровым взглядом и сказал:

– Первоход, помоги нам выйти из кружала. Пожалуйста.

Глеб не ответил. Тогда Лагин заговорил снова, и голос его стал тихим и четким:

– Когда я говорил про пятьсот талеров, я имел в виду только аванс. Я действительно могу озолотить тебя. Пятьсот талеров – это пустяк.

Глеб молчал. Лагин глянул по сторонам, затем сунул руку в карман и достал небольшой прозрачный камень.

– Взгляни! – попросил он.

Глеб взглянул. Лагин сглотнул слюну и сказал:

– Это алмаз. Аббасидские купцы готовы заплатить за него десять тысяч солидов. Если ты не веришь мне, возьми его в залог.

Глеб протянул руку, но Лагин сжал пальцы.

– Я должен быть уверен, что ты пойдешь со мной до конца, – тихо сказал он. – Поклянись – и алмаз твой.

– Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?

– Чернобогом. Самым страшным из здешних богов.

Глеб сделал усилие, чтобы не усмехнуться.

– Хорошо. Клянусь Чернобогом! И пусть он отправит меня в царство мрачного Аида, если я тебя обману!

Лагин посмотрел на Глеба с сомнением, однако ладонь разжал.

– Возьми.

Алмаз был увесистый. Каратов двадцать, не меньше. В Москве двадцать первого века он стоил бы полмиллиона баксов. Только где она, эта Москва...

Глеб вздохнул и спрятал алмаз в карман. Затем взглянул на Лагина и сказал:

– Слушаться меня беспрекословно. Скажу «мордой в грязь», значит, мордой в грязь. Скажу раздеться догола и нырнуть в дерьмо – нырнешь. И будешь сидеть в дерьме, покуда я не разрешу вылезти.

Лагин кивнул и ответил необычайно серьезным голосом:

– Это справедливо.

Затем снял очки и бережно протер стеклышки краем рубахи.

– Ты придумал? – поинтересовался Глеб, кивнув на очки.

Ученый муж водрузил очки на нос и покачал головой:

– Нет, не я. Гербериус. А стекла для него сделали венетские мастера. Это одно из величайших изобретений моего учителя!

– Не спорю. Ладно, пошли на выход.

7

Перед самой дверью Глеб положил руку на ольстру и сказал, сурово глядя на охоронцев:

– Эти двое под моей защитой.

Охоронцы нахмурились, но потеснились, позволяя ему пройти.

На улицу Глеб вышел первым. Окинул быстрым и цепким взглядом огромный двор и только потом дал Лагину и Дионе сигнал следовать за ним.

На улице было по-ночному темно, там и сям горели костры, возле которых грелись бродяги и прокутившиеся в пух и прах купцы.

– Это же моя подвода! – воскликнул вдруг Лагин и бросился к крайней в ряду телег – накрытой рогожей.

Возле телеги стоял конвой из трех княжьих ратников во главе с упитанным поручиком.

Из темноты вынырнул Хомыч.

– Прости, чужестранец, я ничего не мог сделать, – виновато проговорил он.

Лагин кивнул ему и двинулся к конвою. Судя по суровым лицам, княжьи ратники были настроены весьма решительно. Старший из троицы (судя по нашивкам на плаще и дорогой кольчуге – княжий порученец) выдвинулся вперед и сурово спросил:

– Что в подводе?

Лагин открыл было рот, но Глеб его опередил.

– Мертвый оборотень, – громко и уверенно ответил он. – Собственность Бавы Прибытка и его делового товарища Крысуна.

Охоронцы переглянулись. Теперь на их лицах появилось сомнение. Однако княжий порученец не намерен был сдаваться.

– Зачем тебе мертвый оборотень, ходок? – холодно осведомился он.

– Для новой забавы. Ты ведь знаешь, люди постоянно просят чего-нибудь новенького.

– Да, но князь...

– Княжьи указы здесь не действуют, – отрезал Глеб. – Бава платит ему звонкой монетой. И пусть меня покарает Перун, если часть их не перетекает в твой карман, порученец.

Дородное лицо порученца налилось кровью, пальцы его правой руки опустились на рукоять меча.

– Ты обвиняешь меня в воровстве, ходок?

Глеб покачал головой:

– Вовсе нет. Я лишь говорю, что свое жалованье ты получаешь из княжьей казны. Или у тебя есть другие хозяева?

– Мой хозяин – князь Егра!

Глеб кивнул:

– Так я и думал. Кстати, не ты ли уронил золотую монету, которая лежит у тебя под ногами?

Порученец опустил голову:

– Да... Кажется, это моя.

– Будь осторожнее, поручик. В Порочном граде великое множество воров.

Поручик дал знак ратникам, все четверо повернулись и двинулись прочь от телеги.

– Уф-ф... – облегченно вздохнул ученый муж. – С меня семь потов сошло, пока вы разговаривали. – Он снял очки и протер запотевшие стекляшки. Водрузил их на нос и улыбнулся. – А здорово ты его.

– Теперь они знают, что у нас в подводе есть что-то запретное, и не оставят нас в покое, – сухо проговорил Глеб.

– Да, ты прав, – вынужден был признать Лагин. – И что мы теперь будем делать?

Глеб хотел ответить, но не успел.

– Оборотень! – крикнул вдруг Хомыш.

Огромный, черный и мохнатый оборотень вынырнул из темноты, как призрак. Первому охоронцу он снес голову с плеч одним ударом когтистой лапы. Второго отшвырнул далеко в сторону и тут же, не дав поручику вынуть меч, вцепился ему зубами в глотку.

Вокруг раздались крики. Бродяги и прокутившиеся купцы повскакивали с бревен, кто-то схватил из костра горящую головню, собираясь броситься на помощь ратникам. Однако Глеб оказался быстрее всех.

Прыгнув к оборотню, он сшиб его с ног ударом приклада ольстры. А после тем же прикладом несколько раз ударил зверя в оскаленную морду. Затем наступил на него ногой, поднес дуло ольстры к его голове.

Оборотень приоткрыл истекающий слюною и кровью рот и хрипло пролаял:

– Кто... ты?

Глеб приблизил свое лицо к его морде и, глядя чудовищу прямо в глаза, мрачно проговорил:

– Меня зовут Первоход. Я убиваю нечисть.

Дуло ольстры ткнулось оборотню в пасть, а смуглый палец ходака нажал на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, и затылок чудовища разлетелся на куски.

Глеб убрал с груди оборотня ногу и сунул ольстру в кобуру. Сзади к нему подошел Лагин.

– Неладное у вас княжество... – сдавленно проговорил он.

– Княжество у нас хорошее, – возразил Глеб, – да порядку мало.

Из ярко освещенного факелами кружала выскочили пятеро охоронцев.

– Что тут?! – крикнул главный из них.

– Свежий оборотень, – небрежно ответил Орлов.

Охоронцы купца, парни дюжие и мордатые, обступили дохлого оборотня.

– Здоровый какой, – с восхищением проговорил один из них.

Главный охоронец глянул исподлобья на Глеба и сухо проговорил:

– Мы его заберем.

– Заберете, – согласился Глеб. – Только сначала запла?тите.

– Сколько?

– Сколько и обычно.

Охоронец отрицательно покачал головой:

– Ты расшиб ему голову. Мозгов уже нет.

– Зато всего остального в достатке. Или платите обычную цену, или я его сожгу к чертовой матери.

Охоронцы переглянулись.

– Ладно, – нехотя проговорил главный.

Он вынул из кармана кожаный кошель, достал из него несколько серебряных кун и передал их Глебу.

Куны исчезли в смуглой руке Орлова.

– Бери его, ребята! – распорядился главный.

Охоронцы подхватили чудовище за лапы и потащили его к небольшому бревенчатому дому чуть в стороне от кружала.

Ученый муж проводил их хмурым взглядом, повернулся к Глебу и сказал:

– Ты ничем не хуже купцов.

– Чего? – не понял Глеб.

– Я говорю – ты из всего умеешь извлекать выгоду. Не хуже, чем купцы.

Глеб усмехнулся.

– На том стоим. – Он достал из кармана берестяную коробку, вынул из нее самокрутку и сунул ее в рот. Щелкнул зажигалкой и сказал, прикуривая: – Идем, посмотрим на твоего братца.

Лагин удивленно уставился на зажигалку, затем повернулся и зашагал к подводе. Глеб неторопливо последовал за ним.

Взявшись за край рогожи, ученый муж взглянул на Диону и предупредил:

– Это может быть неприятно.

Девушка отвернулась, и Лагин откинул полог. Лицо его, бледное, слишком молодое для седой шевелюры, было хмурым и сосредоточенным.

Света от ближайшего костра едва хватало, чтобы осветить лежащее в телеге тело. Брат Лагина был одет в светлую рубаху. Глаза его были закрыты.

Глеб впервые видел нетленного так близко. Он никогда не верил в рассказы мужиков о том, что нетленные – это странные люди, которые ни мертвы, но и не живы. Дескать, одной ногой они стоят на том свете, а другой – на этом.

Слушая эти рассказы, Глеб обычно вспоминал про кота Шредингера, о котором ему рассказывал преподаватель философии еще в ту далекую пору, когда он учился на журфаке.

Знаменитый физик Шредингер запер кота в ящик вместе с ампулой яда и заявил, что про кота точно неизвестно – мертв он уже или еще жив. А значит, кот пребывает в третьем состоянии – он как бы находится на развилке между жизнью и смертью. И так будет до тех пор, пока мы не откроем ящик и не

узнаем наверняка.

Глеб считал все это софистикой, неоправданным мудрствованием. Однако сейчас, глядя на мертвого человека в белой рубаше, он склонен был поверить во все, что говорили о нетленных.

– У него мягкая кожа, – тихо сказал Лагин. – Такая же, как наша. Хочешь потрогать?

Глеб брезгливо дернул щекой, затем поднес ухо к приоткрытым губам нетленного и прислушался.

– Я ничего не слышу, – сказал он через несколько секунд.

– Нужно очень долго слушать, – пояснил ученый. – Мне повезло только с пятого раза. Попробуй еще раз.

Глеб вновь склонился над нетленным. Все в нем протестовало против этого идиотизма. Но он взял алмаз, а значит, согласился работать на Лагина.

Постояв над покойником с минуту, Глеб уже хотел выпрямиться и высказать ученому мужу все, что думает о его «учености», как вдруг услышал, или ему показалось, что услышал, тихий вздох. А потом – словно бы далекий-далекий шепот на непонятном языке.

– Черт... – Глеб выпрямился и, испуганно глядя на нетленного, вытер рукавом мигот вспотевший лоб.

– Ну? Что? – нетерпеливо спросил Лагин и даже чуть-чуть подался вперед. – Ты услышал?

– Я не уверен...

– Ты слышал, – улыбнулся седой ученый и удовлетворенно кивнул. – Я рад. Теперь ты не будешь считать меня безумцем.

– Я не смог разобрать ни слова, – глухо произнес Глеб.

– Это не обычные слова. Это больше похоже на заклинание.

Глеб, прищурившись, посмотрел на Лагина.

– Это голос твоего брата?

Ученый поправил очки и покачал седой головой.

– Нет. Это не его голос. Я думаю... – Лагин заговорил тише, – ...я думаю, что в тело моего брата кто-то вселился. Кто-то, кто не дает ему до конца умереть.

Глеб снова склонился над телом. На этот раз он вел себя грубо и безапелляционно – разорвал на груди нетленного рубаху и прижал ухо к его недвижимой груди.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил Лагин.

– Тс-с-с...

Глеб прислушался.

– Странно, – сказал он после паузы. – Сердце не бьется.

– Ты все еще не можешь поверить в то, что он мертв?

Глеб выпрямился.

– Мы должны найти еще одного нетленного. Найти и взглянуть на него.

– Ты хотел сказать – «послушать», – поправил его Лагин. – Среди жителей Хлыньграда наверняка найдутся такие, кто не убоился княжьего указа и не стал сжигать своего нетленного. Есть у тебя кто-нибудь на примете?

Орлов задумался.

– Неделю назад у одного моего приятеля помер отец, – ответил он после паузы. – Последние полгода старик не мог обойтись и недели без понюшки бурой пыли.

– Этот твой приятель... он бывший ходок?

Глеб кивнул:

– Да.

– Значит, бурую пыль для больного отца он носил из Гиблого места? Думаю, такой человек не станет подчиняться княжьим указам.

– Мы не можем знать этого наверняка, – засомневался Глеб. – Думаю, прах старика бросили в горшок, горшок зарыли в могилу, а на могилу поставили домовину.

– Но мы должны выяснить.

– Точно, – кивнул Глеб и усмехнулся. – Мы можем вырыть пепел, замесить его в тесто и слепить старика заново.

Лагин обиженно нахмурился.

– Станный ты человек, Глеб. Ты ведь сам все видел, но продолжаешь сомневаться.

Орлов выпустил изо рта клубок дыма, посмотрел, как он расплывается в воздухе, и вздохнул:

– Ох, ученый... Да если бы я верил всему, что вижу, я уже давно был бы мертв.

– Мы просто наведаемся к твоему приятелю и поговорим с ним. Ты ведь ходок, а значит – не слуга князю и не доносчик. Твой приятель не станет тебе лгать.

– Вот в этом я сомневаюсь, – выдохнул Глеб вместе с дымом. – Лгут все.

– Первоход! – тихо окликнул его кто-то из темноты.

Глеб повернул голову и увидел перед собой морщинистое лицо Хомяча.

– Чего тебе, старик?

Бродяга скользнул взглядом по их лицам, явно не зная, к кому теперь обращаться.

– Я это... за охрану подводы неплохо бы заплатить, – робко проговорил он.

– Да-да, – поспешно проговорил Лагин и сунул руку в карман кафтана.

Глеб усмехнулся и мрачно проговорил:

– Вижу, странник, горазд ты разбрасываться деньгами. Видать, и впрямь великий алхимик, если так соришь монетами.

Лагин всучил Хомячу пару монеток, и тот поспешно спрятал их в карман.

– Получил свое? – грубо осведомился у бродяги Глеб. – Теперь проваливай.

– Груб ты, Глеб-Первоход. – Хомяч повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился и весело взглянул на Глеба. – А то взял бы меня в слуги, а? У многих ходоков слуги имеются. А уж я бы тебе пригодился. Человек я старый, смерти не боюсь. Но и от жизни не отказываюсь, и от денег носа не ворочу. Знаю, как их употребить. Возьми, а?

– А что, Глеб, – заговорил Лагин с воодушевлением. – Может, и правда возьмем Хомяча? Он хоть и бродяга, а человек толковый. Живо мне все про тебя и про Порочный град рассказал. И потом – чем нас больше, тем надежнее, ведь так?

Глеб хмыкнул.

– Здесь ты хозяин. Хочешь скормить старика оборотням – скармливай. Но платить ему за это будешь сам.

Диона протянула к лицу Глеба руку. Первоход перехватил ее запястье и с мрачным удивлением взглянул девушке в глаза.

– Что ты делаешь?

– Кровь вытираю, – робко ответила Диона. – Испачкался ты, когда оборотня убивал.

– Обойдусь.

Глеб отшвырнул ее руку от лица. Диона отступила в темноту и обиженно, по-девчачьи, шмыгнула носом.

– Ладно, – сказал Глеб, – забираемся в подводу. Эй, недюдь, это и тебя касается.

– Меня зовут Диона, – тихо сказала девушка из темноты.

– Плевать мне на то, как тебя зовут, – сухо откликнулся Глеб. – И пореже открывай рот, если не хочешь, чтобы я заткнул тебе его навсегда.

8

Уже устроившись в подводе, Глеб вдруг снова соскочил на землю и обронил через плечо:

– Погодите.

Затем зашагал к невысокому худощавому человеку в дорогом, но сильно поношенном камзоле, стоявшему возле кружала. Подойдя к нему вплотную, Глеб сказал:

– Привет, Бельмец.

– Здравствуй, Первоход, – отозвался человек сипловатым голосом и взглянул на Глеба единственным зрячим глазом. – Хорошего оборотня завалил. Я таких здоровенных и не видывал.

– Еще увидишь, – мрачно пообещал Глеб. – Что слышно?

– Да разное, – уклончиво ответил Бельмец. – Говорят, Остяк Костолом грозился тебя изничтожить. Даже пику огневую у меня прикупил.

– А ты зачем продал? – сухо спросил Глеб.

– Остяк хорошую цену заплатил, вот я и продал. – Бельмец тонко усмехнулся. – Ты берегись его, Первоход. Остяк в болоте про?клятом тонул и на колья саморослые животом падал. И до сих пор жив. Говорят, он теперь бессмертен.

– Чушь, – скривился Глеб. – В Гиблом месте нет чудных вещей, которые бы делали человека бессмертным.

– Я у него шрамы от кольев видел, – возразил Бельмец. – Он на постоялом дворе у Дулея Кривого ими похвалялся. Один кол насквозь прошел, прямо сквозь грудину, а Остяку ничего не случилось.

Глеб помолчал, обдумывая слова Бельмеца, потом коротко спросил:

– Что еще?

– Братья Барсуки тоже на тебя зуб имеют. Говорят, ты у них об ту осень заказчика богатого увел.

– Ну, эти ребята безобидные, – небрежно проговорил Глеб.

Бельмец покачал головой:

– Не скажи. Слыхал, что они с Гудоном Лопатником сделали?

– Слыхал. Но Гудон пьян был. Трезвого Лопатника им бы ни за что не одолеть.

– Так-то оно так, – нехотя согласился Бельмец. – Но что, ежели братья Барсуки с Остяком против тебя сойдутся? Против троих тебе точно не устоять.

– Пусть сперва сойдутся, а там и поговорим.

Неподалеку кто-то подкинул в костер сухой травы. На лицо Бельмецу упал отблеск огня, жутковато блеснул его слепой белый глаз.

– Боюсь, что скоро вашу лавочку прикроют, Глеб, – произнес Бельмец задумчиво.

– С чего ты это взял?

– Так... Ходят слухи. Народ в граде поговаривает, что князь Егра хочет прибрать вас к рукам. Доходы большие, и все мимо казны.

– Руки об нас обломает.

– Не скажи. Народец его любит. Дескать, суров, да справедлив. При прежнем князе порядку, вишь, было мало. А этот блажные дома упорядочил, произвол с ценами на бурую пыль прекратил. В княжестве нынче тишь да благодать. И благосостояние, говорят, растет.

– Точно, – согласился Глеб. – А кто в рост идти не хочет, того дыбой подтянут.

Бельмец усмехнулся. Сказал, помолчав:

– А еще говорят: дескать, теперь бурую пыль в каждый дом бесплатно приносить станут. Не помногу, по чуть-чуть. Дескать, пусть и беднота жизни порадует.

– Да уж, – усмехнулся Глеб. – Только и радости в жизни, что бурую пыль нюхать. У тебя нынче что-нибудь есть?

– Кой-чего имеем. – Бельмец быстро глянул по сторонам и сипло спросил: – А тебе чего нужно?

– Световой заряд. Не очень мощный.

– Когда?

– Сейчас.

Бельмец вздохнул:

– Ежели сейчас, то будет в два раза? дороже.

– Не трясись, заплачу. Еще мне нужен золотой шарик против оборотней. Есть у тебя?

– Есть один, – отозвался Бельмец. – Но шарик не нов, его уже Долговяз пользовал. А потом, по бедности, мне перепродал.

– Ничего, мне сгодится. – Глеб сунул руку в карман, достал несколько монет и вручил Бельмecu. – Это за все. А ко всему добавь еще пару дозорных рогаток.

– За рогатки я беру отдельно... – Бельмец встретился с Глебом взглядом и поспешно смягчил тон: – Но так и быть: тебе отдам в придачу.

– Когда будет готово? – спросил Глеб.

– Да прямо сейчас.

– У тебя с собой, что ли?

– Ну.

Бельмец нахмурился. Он явно хотел еще что-то сказать, но колебался.

– Ну, говори, – поторопил Глеб, доставая из кармана куртки берестяную коробку с сигаретами.

– Первоход... – Бельмец облизнул губы. – Есть кое-что новенькое. Как раз для тебя. И совсем недорого.

Вспыхнувший огонек пламени осветил худощавое лицо Глеба.

– И что же это? – спокойно спросил он.

Бельмец достал из кармана маленький темный предмет и показал его Орлову:

– Вот, гляди.

– Что это?

– Камушек ледовый. Я называю его перелиц. Сунешь этот камешек под нижнюю губу – и любую личину примешь, какую только пожелаешь.

– Как это? – не понял Глеб.

Бельмец облизнул губы узким кончиком языка.

– Я бы показал... – сипло сказал он. – Но вельми больно. Мне такой боли не вытерпеть. Ты – другое дело. Кости трещат, кожа натягивается. Может и кровь пойти. Потом-то, конечно, кончится. Лицо новое платком оботрешь, даже шрамов не останется.

Глеб с любопытством глянул на камушек.

– Так говоришь, любую личину?

– Любую, – кивнул Бельмец.

– И долго так можно?

– Пока камушек за губой не истает.

– А когда он истает?

– Всяк раз по-разному.

Глеб прищурил недобрые карие глаза.

– Кто опробовал?

– Есеня Рог.

Глеб удивленно вскинул брови:

– Его же убили!

– Убили, – согласился Бельмец. – Потому задешево и предлагаю, что изо рта у мертвеца достал, а отчета у него не спросил. Ежели тебе сгодится – стану продавать другим втридорога. А тебе, ежели в другой раз захочешь, хорошую скидку сделаю.

Глеб задумался. Не нравился ему Бельмец. Слишком скользкий да ушлый. Однажды впарил одному молодому ходоку свистящий посох, наплел, что помогает от упырей. А оказалось, что упыри на его свист со всего Черного бора собираются, как крысы на дудку Ганса. Сожрали того ходока. И костей не оставили.

А с Бельмеца все как с гуся вода, потому что один он такой – барышник Гиблого места. Другим скупщикам чудны?е вещи побоятся нести, а этому несут – знают, что не сдаст, да и деньги заплатит по уговору, ни копейкой не обманет.

– Ну, так как? – утомился ждать Бельмец, глядя на Глеба своим белым, пустым глазом. – Берешь?

Глеб вздохнул:

– Беру. Только смотри – не обмани.

Бельмец хмыкнул.

– Я не самогубец, чтоб тебя обманывать. Ты ведь меня потом из-под земли найдешь, на куски порвешь и остаточки по ветру развеешь.

Глеб хмыкнул:

– Соображаешь. Сколько просишь за свой перелиц?

– Накинь еще три денежки – и он твой.

– Хватит с тебя и двух.

Брови Бельмеца дрогнули.

– Эх, Первоход... Умеешь же ты торговаться. Ладно, две так две. С кем другим поспорил бы, но с тобой не стану.

Взяв деньги и всучив Глебу перелиц, барышник глянул вокруг здоровым глазом и сипло проговорил:

– В Гиблом месте нынче беспокойно. Лес возмущается, земля гнилыми болотами дышит. Будто человек больной. Темные твари людей совсем бояться перестали. Столько злобы накопилось... Мнится мне, Первоход, что скоро вся нечисть из чащобы в села побежит.

– Разберемся, – привычно проговорил Глеб.

Бельмец ухмыльнулся:

– Знаю я, как ты разбираешься. Начнешь секирой махать, а потом дрова некуда складывать.

Глеб сунул перелиц в карман и повернулся, чтоб идти, но остановился на секунду и сказал:

– Братьям Барсукам передай, чтоб за языками своими погаными следили. А то при встрече вырву.

– Передам, – кивнул Бельмец.

Глеб зашагал к подводе. Бельмец, посмотрев ему вслед долгим взглядом, усмехнулся и задумчиво пробормотал:

– Широко шагаешь, Первоход. Гляди – не споткнися.

Глава вторая

1

– Был у меня один случай, – заговорил Хомыш, трясясь в подводе. – Бродил я тогда по киммерийской земле. А там народ дикий и лютый, совсем не то, что тут. И был там один силач... уж не упомяну имени... Так вот, как-то раз схлестнулся тот силач с колдуньей киммерийской. Много шуму и треску было. И что ж ты думаешь? Победила его колдунья! Брызнула на разъяренного силача отваром из травок, и стал он нежным и послушным, аки ягненок. После боя она его веревочкой повязала и к себе в пещеру увела.

– Зачем? – не понял Лагин.

Хомыш хихикнул:

– Известно, зачем. Нешто хорошо, когда такой мужчина без дела прокисает.

– Ну, и к чему ты это рассказал? – поинтересовался Глеб, прищуривая глаз.

– А к тому, Глеб, что любую силу хитростью да терпеливостью одолеть можно. Хитрость – она ведь как прут ивовый. С виду вельми тонка, но под напором не ломается, а токмо гнется.

На эту банальную мудрость Глеб ничего не ответил.

– И часто у вас тут оборотни на вооруженных ратников бросаются? – поинтересовался Лагин.

Глеб покачал головой:

– Нет.

– Стало быть, необычно это?

– Необычно, – согласился Глеб.

Лагин помолчал несколько секунд, а затем вдруг проговорил дрогнувшим от волнения голосом:

– А что, если этого оборотня брат мой позвал?

Глеб откинул со лба темную прядку волос и пристально взглянул на ученого мужа.

– Ты это серьезно?

– Ты ведь слышал голос. А что, если оборотень тоже его слышал? – продолжил развивать свою мысль ученый. – Да так, что устоять не смог и на зов сей чрез всю чащобу пришел?

Глеб покосился на ученого с сомнением.

– И зачем ему это?

– Не ведаю. Может, спасти хотел. А может, еще что.

Несколько секунд Глеб обдумывал слова ученого мужа, затем вздохнул и сказал:

– Сочиняешь ты много, Лагин. Никогда не бывало, чтобы оборотень на помощь мертвецу бросился.

– Так ведь это не просто мертвец, это нетленный.

На это Глеб ничего не сказал. Зато сказал Лагин, вернее, спросил:

– Ты из каких земель сюда пришел, Первоход?

– Из далеких, – ответил Глеб угрюмо.

– А точнее?

– Из Российской Федерации.

Лагин задумался и покачал головой:

– Не слышал.

– И часто у вас оттуда люди уходят? – поинтересовался бродяга Хомыч.

– Случается, что уходят.

– А откуда узнают, куда идти?

Глеб усмехнулся:

– Ну, с этим у нас легко. Стоит у нас на площади огромный железный человек и рукою вдаль показывает. Если туда пойдешь, то к лучшей жизни придешь.

– И что же, его все слушаются? – не поверил Хомыч.

– Не все, но многие.

– Чудно?, – покачал головой бродяга. – А чем вы этого железного человека кормите?

– Раньше кормили людьми. А теперь, думаю, голодный стоит. Хотя как знать. Может, уже и не голодный. Давно я дома не был.

Хомыч замолчал, погрузившись в раздумья, а Лагин глянул на Глеба сквозь свои прозрачные кружочки и спросил:

– Чем же у вас там люди живут, Глеб? На что годы жизни тратят?

– На что? – Глеб пожал плечами. – Да как везде. Едят, пьют... А когда не пьют, то деньги делают.

– Из чего?

– Из воздуха. Ты ведь алхимик, знаешь, как.

– Легкие, должно быть, деньги, – заметил Лагин. – И на что они их тратят?

– Да все на то же. Едят, пьют.

– А когда не пьют да не едят, то что делают?

– Что делают? Да ничего не делают. Телевизор смотрят.

– А это что?

– Телевизор? – Глеб улыбнулся. – Сложно объяснить. Скажем так: это такое окно, в которое за другими людьми подглядывать можно.

Лагин слегка оживился.

– Ну, а те, которые в телевизоре, – они-то чем занимаются?

– Тем же. Едят, пьют, лакомые куски друг у друга отбирают.

Лагин снова приуныл.

– И не скушно им?

– Скушно, – признал Глеб.

– А почему не перестанут?

– Страшно.

– Чего страшно? – не понял ученый муж.

– Всего. Непонятного вокруг много. Пока ешь да пьешь – не видишь. А чуть остановишься да по сторонам посмотришь – считай, беда.

Ученый муж вздохнул:

– Н-да... Везде одинаков человек. Но в иных местах это особенно заметно. Странное место наш мир.

– Зато приятное, – возразил ему Хомыш, почесывая палочкой спину. – Нужно поменьше думать. Не умные и сильные правят миром, а лукавые. Лукавство – вот настоящая мудрость.

Лагин хмыкнул.

– Тьфу на тебя, болтун, – неожиданно сердито сказал он. – Лукавство ведет к греху. А Бог любит простодушных. Ибо сказано в Евангелии: блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Божие.

– Простодушных твоих не только бог, их и жулики любят, – с едкой усмешкой парировал Хомыш. Он глянул вперед и ткнул пальцем в виднеющиеся вдалеке дома: – Вон он, Хлын-град. Еще до рассвета там будем.

2

– В Хлынском княжестве сейчас неспокойно, – сказал Хомыш, поглядывая на темные дома и пустые ночные улицы Хлын-града. – Голядьский князь Орлик к самым границам подступает. Хлынские полки не сегодня завтра навстречу ему двинутся. Князь Егра указ издал: кто будет ратникам мешать да охоронцам княжым перечить – смерть примет. Так ты, Первоход, поосторожней с ними-то.

Глеб промолчал. Лагин тоже предпочел не обсуждать опасную тему. Диона же за всю дорогу не произнесла ни слова, как и велел ей Глеб-Первоход.

Молча ехали еще минут двадцать. Возле Перунова капища Глеб свернул на разбитую улицу, проехал еще чуток и остановил коней.

– Приехали, – сказал он и указал кнутом на избу с высоченной оградой из тесаных бревен.

– Богатая ограда, – заметил Хомяч. – За такую даже половцам не пробраться.

Глеб усмехнулся.

– Хозяина зовут Угрим Хват, – сказал он. – Ведите себя тихо и не высовывайтесь понапрасну. Говорить с ним буду я, а вы поддакивайте, но только если разрешу.

– А как мы узнаем, что ты разрешил? – живо поинтересовался Хомяч.

– Ты – никак, – ответил Глеб. – Останешься сторожить подводу.

Хомяч боязливо посмотрел на рогожу и хрипло проговорил:

– Я с мертвецом не останусь. Боязно.

– Останешься, – спокойно сказал Глеб. Наклонился к уху старика и добавил: – Или вернешь деньги, которые украл у Лагина.

Глаза Хомяча забегали.

– Откуда про то знаешь? – хрипло прошептал он.

Глеб усмехнулся.

– У тебя на лбу угольком написано.

Хомяч вскинул было руку ко лбу, но тут же опустил ее.

– Девку-то хоть со мной оставьте, – попросил он. – Все веселее будет куковать.

– Это не девка, это нелюдь, – сухо поправил старика Глеб. – И она останется с тобой. Если надумает уйти, не держи. – Глеб спустился с телеги. – Идем, Лагин. Будем с Угримом беседовать.

У ворот Глеб хмуро оглядел тяжелую калитку и громыхнул кулаком по дубовым доскам. За воротами заливисто забрехали собаки. Потом скрипнула дверь, и слышались тяжелые шаги.

– Кого там нелегкая принесла? – грубо осведомился мужской голос.

– Угрим, открой. Это я, Глеб.

– Первоход?

– Да.

Бряцнул засов, и дверь открылась. Человек, открывший ее, был высок, плечист и сутул. Лицо, поросшее рыжеватой бородой, было мрачное и неподвижное, а глаза – острые и холодные.

– Здрав будь, Угрим, – поприветствовал хозяина Глеб.

– И тебе здоровьичка, Глеб-Первоход. – Мужик мельком оглядел Лагина и снова уставился на Глеба. – Зачем пожаловал?

– Разговор есть, – уклончиво ответил Глеб. – Можно войти?

Угрим Хват несколько мгновений помедлил, потом распахнул дверь шире.

– Что ж, входи.

Он посторонился, впуская гостей. Пройдя через большой утоптаный двор, они остановились перед дверью избы.

– Чего встали? – грубовато сказал Угрим. – Заходите.

В доме было темно, лишь в горнице горели две свечи.

Навстречу гостям поднялась высокая женщина с усталым, красивым лицом. Она уставилась на Глеба изумленным взглядом, затем тревожно переглянулась с Угримом, после через силу улыбнулась и сказала:

– Привет вам, гости дорогие. Откушаете с дороги?

Глеб открыл рот для ответа, но Хват его опередил:

– Откушают. Подаю сам. А ты, Ратмира, ступай в другую комнату и сиди там.

Женщина покорно потупила взгляд и без возражений вышла.

– Жестко ты с ней, – сказал Глеб. – Раньше бы она тебе этого не спустила.

– На всякую дикую кобылицу есть свой объездчик, – грубо проговорил Угрим. – Садитесь за стол.

Усадив Глеба и Лагина за стол, Хват взял с полки кувшин и тарелку, наполненную сухарями и кусочками вяленого мяса. Поставил все это на стол и сел сам.

Глеб терпеливо ждал. Угрим неторопливо и спокойно наполнил мутной вонючей жидкостью три огромные деревянные кружки, скрепленные бочарными кольцами. Пододвинул кружки к Глебу и Лагину.

– Что это? – спросил ученый.

– Брага, – не глядя на него, ответил Хват.

– Я не... – Седой ученый встретился взглядом с Глебом и осекся.

Угрим взял свою кружку и сказал:

– Ну, здраве будем.

Запрокинув кудлатую рыжеватую голову, верзила сделал несколько больших глотков. Глеб последовал его примеру. Лагин взял свою кружку и осторожно смочил брагой губы.

Угрим посмотрел на ученого пристальным, тяжелым взглядом.

– Пошто слюду на глаза нацепил? – грубо осведомился он.

– Это не слюда, это стекло, – ответил Лагин, поежившись под взглядом Угрима. – Точнее, линзы. Я сквозь них лучше вижу.

Хват чуть качнул головой, как бы говоря – надо же. И снова взялся за кружку.

– Ты все так же суров, – сказал ему Глеб.

– А ты чего ожидал? – прищурил на него глаза хозяин дома. – Сколько вы с Ратмирой не виделись? Год? Или полтора?

– Почти два, – сказал Глеб неохотно.

– А нынче зачем пожаловал?

Глеб отхлебнул браги и облизнул губы.

– Не знаю, помнишь ли ты, Угрим, но за тобой оставался один должок.

– Про должок я помню. А коли бы забыл, так ты бы мне напомнил. Ты ведь никогда не прощаешь долгов, верно, Первоход?

Было в тоне Угрима что-то такое, что заставило Лагина поежиться. Глеб, однако, ничуть не смутился и спокойно проговорил:

– Верно. И сейчас я пришел рассчитаться.

Огромные ладони Хвата сжались в столь же огромные кулаки. Он сверкнул глазами и глухо выдохнул:

– Ежели ты говоришь о Ратмире, то...

– Дело не в Ратмире, – перебил его Глеб. – Дело в другом.

Угрим слегка успокоился.

– Чего ж ты хочешь? – спросил он.

Глеб посмотрел на кружку долгим, задумчивым взглядом и негромко проговорил:

– Слышал я, Угрим, что на прошлой неделе у тебя помер отец.

– Ну, помер. А тебе что за дело?

Глеб поднял взгляд на Угрима.

– Ты его похоронил?

– Ясное дело. А ты почему спрашиваешь?

– Видишь ли, Угрим... – Глеб нахмурился. – Я думаю, что твой отец все еще в доме.

Несколько секунд в горнице стояла тишина, напоминавшая затишье перед грозой. Два ходака – нынешний и бывший – внимательно смотрели друг другу в глаза, и если взгляд Глеба был спокойным и незлобивым, то взгляд Угрима не предвещал ничего хорошего.

Когда тишина стала невыносимой и Лагин, кашлянув в кулак, хотел нарушить ее, Хват хрипло проговорил:

– Ты в своем уме, Первоход?

Глеб отвел взгляд и тихо сказал:

– Ежели это так, мы никому о том не расскажем. Просто посмотрим на него и уйдем. И все останется, как было. Клянусь Родом.

Хват помолчал, хмуря лоб, потом протянул руку к стене и снял с гвоздя топор. Опробовал пальцем его лезвие и задумчиво проговорил:

– Дров надо наколоть. Изба совсем простыла.

Лагин посмотрел на топор в руках широкоплечего верзилы и поежился. Затем нервно поправил очки и вопросительно взглянул на Глеба. Тот сидел за столом спокойно и прямо.

– Шел бы ты отсюда, Глеб, – снова заговорил Угрим. – У нас в семье горе, а ты глумишься. Нехорошо это. Противно.

– Так ты не покажешь нам отца?

Угрим медленно встал из-за стола и слегка приподнял топор. В его угрюмых глазах заплясали огоньки ярости.

– Ну, раз сам не хочешь уйти...

– Не дури, Хват, – сказал Глеб и холодно взглянул в глаза хозяину дома. – Я ведь могу привести княжьих охоронцев и проверить вместе с ними. И тогда...

Не дав Глебу договорить, Угрим ринулся на него с топором.

Произошла короткая схватка, в результате которой Хват оказался повержен на пол, а Глеб сел ему на спину и, отбросив в сторону топор, скрутил верзиле руки за спиной.

– Ну, что? – тяжело дыша, осведомился Глеб. – Успокоился?

Однако Хват, похоже, не собирался сдаваться. Он пыхтел и вырывался, несмотря на то, что Глеб скрутил ему руки до хруста в суставах и норовил сломать их.

– Глеб! – На пороге горницы, испуганно прижав к груди руки, застыла Ратмира. – Отпусти его, Глеб!

– Уйди отсюда... – прохрипел Хват. – Прочь...

Ратмира несколько секунд стояла у двери, с растерянным видом глядя на схватившихся мужчин, затем повернулась и выскользнула в другую комнату.

– Ученый, подай веревку! – крикнул Первоход.

– Я не...

– На стене. Быстро!

Лицо Глеба побагровело от напряжения. Верзила все еще пытался вырваться, и Глебу стоило огромных усилий сдерживать его.

Лишь связав бывшего ходока по рукам и ногам, Глеб расслабился и отер пот со лба. Взглянул исподлобья на Лагина и устало проговорил:

– Угрим ходит в одиночку на медведя. Он так здоров, что ему и рогатина не нужна.

– Получается, ты еще здоровей, – угрюмо откликнулся с пола Хват.

– Я ловчее, – возразил Глеб. – И я слишком хорошо тебя знаю.

В горницу снова вошла Ратмира.

– Угрим, – позвала она. – Зачем ты им противишься?

– А, это ты. – Верзила усмехнулся. – Вот, смотри, Ратмира, твой муж лежит на полу, опутанный веревками. Рада?

На красивом лице женщины отобразилась горечь.

– Угрим, сделай, как хочет Первоход, – попросила она. – Открой ему погреб.

– Значит, ты прячешь мертвеца в погребе, – проговорил Глеб. – Мне следовало догадаться самому.

– Тьфу ты, – сплюнул Хват. – Дура!

Орлов поднялся на ноги и шагнул к погребу.

– Глеб, подожди! – Ратмира стремительно подошла к Глебу и порывисто положила ему на грудь руку. – Если ты кому-нибудь расскажешь, нас погубят!

Глеб прижал руку женщины ладонью, посмотрел ей в глаза и спокойно произнес:

– Мы никому не скажем. Я поклялся Родом.

Ратмира покраснела и неловко высвободила руку. Угрим, хищно прищурившись, наблюдал за ними с пола.

– Ладно, – проговорил он вдруг. – Отведу тебя в погреб. Развязывай руки!

Глеб посмотрел на верзилу с сомнением.

– А не обманешь?

Хват угрюмо мотнул головой:

– Не обману. Клянусь животом богини Макоши. Пусть у меня отнимутся члены, ежели я совру.

Против такого обещания Глеб устоять не мог. Он наклонился, достал из ножен кинжал и быстро срезал путы на руках и ногах верзилы.

Угрим сел на полу, потер запястья и хмуро посмотрел на Глеба.

– Зачем вам отец-то мой понадобился? – спросил он.

– Просто хотим на него взглянуть, – ответил Глеб.

– И зачем глядеть? Нешто нетленных никогда не видел?

– Видел. Но в лица им не вглядывался. Лагин вон уверен, что нетленные – не мертвы.

Хват перевел взгляд на ученого мужа и хмыкнул.

– Знамо дело, не мертвы. Были бы мертвы, воняли бы. Ладно. – Он поднялся на ноги, подошел к полке, взял с нее берестяной факел и глянул на Глеба: – Твое волшебное огниво при тебе?

– При мне.

– Зажигай.

Глеб достал стальную «Зиппо», заряженную горючей «земляной кровью», и возжег факел. Угрим двинулся в сени. Гости последовали за ним.

В сенях он отодвинул в сторону кадку с солеными огурцами, нагнулся, ухватился за медное кольцо в полу и сильно потянул. Тяжелая, плотно подогнанная к настилу крышка медленно поднялась, обнажив черный зев погреб.

– Пошли, – сказал Хват и стал первым спускаться в погреб. – Ноги не переломайте, лестница ветхая, – предупредил он.

Глеб и Лагин спустились за ним в сырой, прохладный погреб. Спустившись на дно, Угрим воткнул факел в железный ухватень на стене.

Тайный погреб был довольно просторным. Тяжелые лиственничные балки подпирали деревянный короб. Глеб огляделся и похвалил:

– Хорошо поработал.

– За неделю вырыл, – с ленцой в голосе проговорил Угрим. – Сделал бы быстрее, коли б ратников не таился.

В центре погребя на обтесанных квадратных камнях стоял деревянный гроб.

– Он у тебя открывается? – спросил Глеб.

– Открывается.

Угрим подошел к гробу, поддел кромку пальцами и легко откинул крышку. Затем осторожно снял ее и привалил к стене.

Глеб и Лагин приблизились к гробу и взглянули на мертвеца. Хват отступил назад, чтобы не мешать им. Кожа покойника не сотлела. Неприятного запаха не было. Лицо старика с заострившимися чертами выражало полный покой.

Лагин зябко передернул плечами.

– Будто спит, – тихо пробормотал он. – Видел за свою жизнь сотни мертвецов, многих из них вскрывал, а к этим никак не могу привыкнуть. Есть в них что-то... потустороннее.

Хлопнувшая за спиной крышка погребя заставила Лагина и Глеба вздрогнуть.

Наверху что-то гроыхнуло.

– Угрим! – крикнул Глеб, кинувшись к лестнице. – Открой погреб!

– Чтобы вы меня княжьим псам сдали? – раздался сверху приглушенный голос. – Ищите дурака!

Глеб облизнул губы.

– Я клянусь тебе Перуном и Чернобогом, что никому про твой погреб не скажу!

– Конечно, не скажешь, – глухо отозвался Хват. – Потому что сам в нем сгниешь.

Глеб сжал кулаки. Сердце его билось учащенно. Рубаха на спине взмокла от пота.

– Что будем делать? – дрогнувшим голосом спросил Лагин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/granovskiy_anton/plaschanica-kolduna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)